

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет) (СПбГТИ(ТУ))

Кафедра истории Отечества, науки и культуры

А.Б. Гуркин, Н.Д. Ковбенко, И.П. Потехина,
К.Н. Скворцов, П.А. Гостенков

**КОРРУПЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2017

УДК 94+34+378

Коррупция и ее влияние на развитие общества: История и современность: Учебное пособие / А.Б. Гуркин [и др.]. – СПб.: СПбГТИ(ТУ), 2017. – 52 с.

Учебное пособие призвано ознакомить обучающихся с причинами возникновения коррупции, историей ее развития, спецификой коррупционных явлений и формами противодействия коррупции в различных странах в различные исторические периоды.

Пособие предназначено для студентов СПбГТИ (ТУ) дневной формы обучения, обучающихся по направлениям подготовки бакалавров – 04.03.01, 08.03.01, 09.03.01, 09.03.03, 15.03.02, 15.03.04, 18.03.01, 18.03.02, 19.03.01, 20.03.01, 22.03.01, 27.03.03, 27.03.04, 38.03.01, 38.03.02, 38.03.03, 38.03.05, 42.03.01, и специалистов – 18.05.01, 18.05.02. Разработано в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) и рабочих программ дисциплин «История», «Основы права» («Правоведение»), «Культурология». Учебное пособие позволяет приобрести необходимым учащимся общекультурные компетенции: ОК–2 – «способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции», ОК–4 – «способность использовать основы правовых знаний в различных сферах деятельности».

Также пособие может быть полезно студентам заочной формы обучения.

Рецензенты: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Г.Г. Бернацкий.

С.П. Ежов, кандидат философских наук, профессор кафедры социологии СПбГТИ (ТУ).

Издание подготовлено в рамках выполнения государственного задания по оказанию образовательных услуг Минобрнауки России.

Утверждено на заседании методической комиссии факультета экономики и менеджмента 6 апреля 2016 г.

Рекомендовано к изданию РИС СПбГТИ (ТУ).

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое учебное пособие содержит материалы, посвященные одной из глобальных проблем, стоящих в настоящее время перед человечеством – коррупции. Пособие призвано ознакомить студентов с причинами возникновения коррупции, историей ее развития, спецификой коррупционных явлений и формами противодействия коррупции в различных странах в различные исторические периоды.

В первой главе, написанной А.Б. Гуркиным, дается краткое описание истории коррупции в мире и нашей стране с глубокой древности до настоящего времени. Автор второй главы, Н.Д. Ковбенко, акцентирует внимание читателя на коррупционных проявлениях в современном российском обществе, анализирует методы и результаты антикоррупционной политики правительства. В третьей главе И.П. Потехина предлагает ознакомиться с коррупцией в римско-католической церкви и способами борьбы с нею на примере событий XV в. Четвертый раздел, автором которого является К.Н. Скворцов, освещает коррупционные процессы в Польско-Литовском государстве XVII в. и отношение к ним современников. Заключительная, пятая глава, написанная П.А. Гостенковым, раскрывает коррупционные механизмы управления во Французской республике конца XIX в.

Учебное пособие предназначено для студентов всех факультетов Технологического института, изучающих дисциплины «История», «Основы права» («Правоведение») и «Культурология». Оно пригодится учащимся при подготовке к занятиям по указанным дисциплинам, а также может быть использовано в воспитательной работе.

Авторы надеются, что данное пособие поможет читателям расширить свои знания о сущности коррупции и выработать правильное отношение к этому давнему пороку человеческого общества.

Гуркин А.Б.

*к.и.н., доцент кафедры истории
Отечества, науки и культуры
СПбГТИ (ТУ)*

1 ИСТОРИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Одной из острейших проблем современного российского общества является коррупция. Это слово хорошо знакомо всем гражданам нашей страны, оно все чаще звучит в выступлениях политических деятелей, все больше внимания ему уделяют средства массовой информации. Регулярно сталкиваются с этим явлением в повседневной и деловой жизни простые россияне, мелкие предприниматели и крупные бизнесмены. В связи с масштабами коррупции, принявшей системный характер, появляются даже высказывания о том, что это чуть ли не национальная особенность, присущая именно России. На самом деле это совсем не так. Как заметил в своем интервью первый заместитель председателя комитета Государственной думы по безопасности М.И. Гришаков: «Весь мир прошел длинный и непростой путь организации эффективной работы в сфере борьбы с коррупцией. Сегодня понятно, что стран, свободных от нее, не существует, отличаются лишь ее уровень и масштабы» [1].

Сам термин «коррупция» происходит от латинского слова «*corruptio*», означающего порчу, подкуп. В современном мире под коррупцией подразумевают прежде всего использование должностным лицом своего служебного положения в корыстных целях. При этом выделяют три вида коррупции: 1. бытовая (возникает при взаимодействии простых граждан и чиновников); 2. деловая (возникает при взаимодействии властных структур и бизнеса); 3. коррупция верховной власти (использование политической власти в своих корыстных интересах).

Коррупция известна с глубокой древности. Упоминания о ней встречаются в дошедших до нас исторических источниках, относящихся ко всем центрам древневосточных цивилизаций, в том числе Древнему Египту, Китаю, Индии и другим, а также к античным цивилизациям Древней Греции и Рима. Описание коррупции и ее осуждение присутствуют во всех ведущих религиях мира. Найти подтверждение этому можно в Библии и Коране. Если рассматривать истоки появления коррупции, то, по-видимому, их следует искать еще в первобытном обществе. Вероятно, они связаны с языческими верованиями – наши далекие предки, полностью зависимые от сил природы, старались задобрить богов, олицетворявших эти силы. Люди приносили им

жертвы, являвшиеся, по сути, своеобразными дарами. По мере развития общества и появления первых служителей культа – шаманов, колдунов, знахарей, ведунов, волхвов и т.п. «близких к богам», им тоже стали делать подарки и подношения, чтобы через них добиться милости самих богов. С возникновением государства и появлением правящего класса обычай приносить дары тем, от кого зависела судьба человека, стал распространяться и на правителей, тем более что в начале складывания государства светская и духовная власти, как правило, соединялись в одном лице. Развитие государственности, создание обширных держав неминуемо вело к формированию многочисленного бюрократического аппарата, особой касты чиновников, получавшей все большие полномочия в обществе. Как полагали правители, чиновники должны были существовать за счет фиксированного жалованья, но на практике происходило по-иному. Стал укореняться обычай делать им подарки, чтобы добиться их расположения и выполнения своих просьб. В подавляющем числе государств, где сформировался значительный бюрократический аппарат, его представители стремились использовать свое положение в качестве источника тайных доходов. Причем зачастую это явление принимало массовый характер и превращалось в своеобразную норму поведения чиновников.

Подобное состояние дел, естественно, не могло не беспокоить правителей, и они принимали соответствующие меры для наказания провинившихся. Наказания обычно отличались жестокостью и носили показательный характер. В истории человечества сохранилось немало сведений о том, как боролись правители со злоупотреблениями чиновников. Первое из известных нам сведений относится ко второй половине XXIV в. до н.э., когда борьбу с коррупцией вел Урукагина, шумерский правитель города-государства Лагаш. В глубокой древности появились и первые труды, исследующие причины появления и развития коррупции, а также перспективы ее искоренения. К их числу относится трактат «Артхашастра», который опубликовал под псевдонимом Каутилья один из министров Бхараты (Индии) в IV в. до н.э. [2].

Но, несмотря на борьбу с коррупцией, которая велась на протяжении всего существования человеческой цивилизации, победить ее практически нигде не смогли. Обычно удавалось лишь снизить уровень наиболее опасных преступлений. Причин тому было много и они зависели от конкретных исторических особенностей развития государства. Но одной из основных причин было то, что вплоть до Нового времени повсеместно в мире, в том числе в Западной Европе, нормой поведения было подношение дорогих подарков, по сути – взятки, самим правителям, которые, к тому же, рассматривали государственную казну как свою собственную. Таким образом, получалось, что главы

государств сами делали то, против чего боролись, и все противодействие коррупции фактически сводилось к борьбе правителей с конкурентами-чиновниками, которые тоже брали взятки и тем самым посягали на монаршее имущество.

В период Нового времени в Европе широко распространилась теория общественного договора, получившая логически завершённый вид в XVII–XVIII вв. Согласно этой теории, государство возникло как продукт сознательной деятельности людей, как результат некоего договора между ними. По этому договору у тех, кто возглавляет государство, и простых граждан складывается ряд взаимных прав и обязанностей, которые подразумевают и взаимную ответственность за их выполнение. Граждане обязаны выполнять законы, принятые государством, которое, в свою очередь, обязано соблюдать и защищать права граждан, предусмотренные законом. В случае злоупотребления властью граждане вправе расторгнуть договор, вплоть до свержения тех, кто так поступает. Данная концепция нарушала традиционные религиозные представления о происхождении власти, которую избранные люди якобы получают прямо «от бога» и поэтому имеют моральное право употреблять ее по своему усмотрению. Она утверждала, что народ содержит правительство, и правительство должно неукоснительно соблюдать и защищать права граждан. Теория общественного договора, демократическая по своему содержанию, имела огромное значение для последующего развития политической системы европейских государств и объективно нанесла удар по коррупции.

В XVIII–XIX вв. в европейских странах и Северной Америке по требованию населения были осуществлены либеральные реформы, закреплявшие положение о том, что государственная власть должна существовать для блага подданных, а чиновники должны неукоснительно соблюдать законы, и, следовательно, не брать взяток. Например, в принятой в 1787 г. Конституции США прямо говорилось о том, что получение взятки является одним из тех преступлений, за которые президенту США может быть объявлен импичмент.

Таким образом, общество в западных странах получило возможность действительно влиять на качество работы бюрократического аппарата. По мере дальнейшей демократизации политических систем этих государств в течение XIX–XXI вв., благодаря существованию реальной многопартийной системы и целой сети различных общественных организаций, занимающихся защитой прав населения, уровень коррупции в развитых странах заметно уменьшился по сравнению с другими регионами мира. Вместе с тем, следует констатировать, что окончательно победить коррупцию в них не удалось. По данным ежегодного мониторинга «Индекс восприятия коррупции –

2008» из 180 обследованных стран мира к наименее коррумпированным отнесены Дания, Швеция и Новая Зеландия. По десятибалльной шкале им выставлена оценка в 9,3 балла. Замыкает список Сомали, по этой шкале ей выставлен 1 балл [3].

Следует также учитывать, что со второй половины XX в. коррупция превращается в международную проблему. Процесс глобализации привел к тому, что коррупция в одной стране в той или иной степени влияет на положение дел во многих других странах, в том числе и развитых. Поскольку в большинстве развивающихся стран степень коррумпированности правящей верхушки чрезвычайно велика, то продвигать свои товары на рынок этих стран можно лишь за взятки. При таком положении дел преимущество имеют не те фирмы, которые выпускают лучшие товары, а те, которые дают взятки. Поэтому повсеместно получил распространение подкуп высших должностных лиц за границей корпорациями развитых стран, что не может не отразиться на самих этих странах. В то же время коррупция и взяточничество являются причинами бедности и отсталости во многих странах и даже целых регионах, порождая там нестабильность и конфликты, которые влияют и на положение дел в мире в целом.

Проблема мировой коррупции приобрела столь серьезный характер, что по решению Генеральной Ассамблеи ООН был учрежден Международный день борьбы с коррупцией – 9 декабря. Именно в этот день в 2003 г. в мексиканском городе Мерида, во время проходящей там политической конференции высокого уровня, была открыта к подписанию Конвенция ООН против коррупции. Среди стран, подписавших эту Конвенцию, была и Российская Федерация. Выступая на конференции, глава российской делегации заявил, что Россия готова к конструктивному взаимодействию на антикоррупционном фронте со всеми государствами и соответствующими международными организациями. 14 декабря 2005 г. Конвенция вступила в силу в качестве международного правового документа.

Коррупция в России, как и в других странах, имеет свои давние корни и специфику. На Руси коррупция исторически различалась по тому, происходило ли получение неправомерных преимуществ за совершение законных действий (мздоимство) или незаконных действий (лихоимство).

Становление российской государственности происходило в очень сложных условиях. Нашествие монголо-татар, а затем установление их ига над северо-восточными и северо-западными областями Руси привело к тому, что произошел разрыв, некая дискретность естественного исторического пути развития русских земель. Сложилась качественно новая ситуация: демократические вечевые традиции уходили в прошлое,

русские князья должны были теперь считаться не с мнением народного собрания (вече), а с мнением золотоордынских ханов и их наместников в русских землях – баскаков. От их расположения зависело, получит ли русский князь ярлык (грамоту) на свое княжение или нет. За ярлыком надо было ехать в Сарай – столицу Золотой Орды. Ехать туда без подарков хану и его чиновникам было нельзя. Фактически эти подарки были взятками. Все хорошо понимали, что чем больше дорогих подарков привезет князь в Орду, тем больше шанс, что его просьба будет услышана, особенно если речь шла о получении ярлыка на Великое княжение Владимирское. Большую роль при решении вопроса о получении ярлыка играло и то, сколько денег претендент обещал отдавать Орде в виде дани (ордынского выхода). Таким образом, возникла ситуация, при которой для получения властных полномочий надо было платить, и это отрицательно сказывалось на менталитете элиты складывающегося русского государства. Князь и его окружение, вынужденные постоянно возить подарки в Орду, стали воспринимать это как норму, а люди, вынужденные делать подарки, как правило, сами не возражают против того, чтобы их получать. Подношение дорогих даров тем, кто был облечен властными полномочиями, превратилось на Руси в обязательное правило и воспринималось уже не как вид взятки, а как своего рода знак уважения.

Специфика формирования единого Русского государства заключалась еще и в том, что политические предпосылки объединения русских земель явно опережали экономические. Необходимо было как можно скорее объединиться, чтобы свергнуть иго Орды, поэтому при объединении доминировало насилие. Именно силой оружия Московское княжество присоединяло к себе другие русские земли. Причем на рубеже XV–XVI вв. процесс объединения протекал очень быстро. В момент вступления на престол Ивана III (1462–1505) территория Московского государства по подсчетам историков составляла 430 тыс. кв. километров, а к концу правления Василия III (1505–1533) она выросла в шесть раз. На карте Европы появилось мощное и обширное государство, которое оказывало все большее влияние на международную политику, и с которым необходимо было считаться.

Политический строй Московского государства развивался в сторону централизации, но достаточно оформленного государственного аппарата еще не было. Административно-территориальное деление было архаичным. Власть на местах была передана в руки назначаемых из Москвы наместников и волостелей, которые осуществляли управление отдельными территориями (уездами, волостями). За выполнение административных и судебных функций они получали в свое распоряжение судебные пошлины и часть налогов с населения,

собранных сверх установленных податей в казну, т.е. как бы «кормились» за счет населения управляемых ими территорий. Поэтому такая служба и называлась «кормлениями». Кормления по своей сути были вознаграждениями за прошлую военную службу, в связи с чем кормленщики старались получить с населения в свою пользу как можно больше доходов. К тому же подчиненные наместникам и волостелям органы управления состояли не из государственных чиновников, а из их собственных слуг. В такой ситуации произвол со стороны кормленщиков и их окружения был довольно обычным делом, население страдало от их поборов и жаловалось центральным властям. Государство стремилось ограничить злоупотребления своих представителей на местах, несколько ослабить их власть. Предпринимались попытки поставить деятельность кормленщиков под контроль как «снизу» – со стороны выборных представителей местного населения, так и «сверху» – со стороны центральных государственных органов, что было зафиксировано в Судебнике 1497 г. – первом письменном своде законов Московского государства [4, с. 72]. Однако установить действенный контроль над деятельностью кормленщиков не удалось, поскольку сама система кормлений создавала благоприятную почву для коррупции. В 1555 г. эта система была официально отменена. Впрочем, на практике она в той или иной форме продолжала существовать вплоть до XVIII в.

По мере развития Московского государства формировались новые органы власти, среди которых особое место занимали органы центрального управления – приказы, роль которых постоянно возрастала. Во второй половине XVI в. в стране сложилась довольно разветвленная приказная система. Ее особенностью было то, что почти каждый приказ выполнял не только управленческие функции, но и судебные.

Весьма благоприятно на развитии политической системы России и на борьбе с коррупцией сказались реформы «Избранной Рады» – так назывался правительственный кружок, сложившийся в конце 40-х гг. XVI в. вокруг молодого царя Ивана Грозного. Избранная Рада провела в период своего существования, т.е. до конца 1550-х гг., ряд очень важных преобразований, способствующих политической централизации страны и в значительной степени ограничивающих злоупотребление людей, облеченных властью. В 1550 г. был издан новый судебник, получивший название Судебника Ивана IV или «Царского». Он был составлен на основе свода законов Ивана III (1497 г.) и отражал изменения в российском законодательстве за истекшие полвека. Основное внимание уделялось проблемам управления и суда. Согласно судебнику усилилась роль центральных судебных органов, возросло значение царского суда.

Впервые в судебнике 1550 г. вводились наказания для бояр и дьяков-взяточников [4, с. 76].

Преобразования Избранной Рады в определенной степени ограничивали и власть царя. Несомненно, что дальнейшее осуществление реформ благотворно сказалось бы на будущем российской государственности. Однако Избранная Рада прекратила свое существование, ведущие ее члены подверглись репрессиям, а Иван Грозный стал проводить новую внутреннюю политику, получившую название опричнины и направленную на безраздельное укрепление его личной власти. Методом осуществления опричнины был террор. Опричнина в сочетании с затяжной Ливонской войной, длившейся 25 лет и закончившейся поражением России, подорвала все нравственные устои общества, привела к торжеству беззакония и коррупции.

Вступление России в начале XVII в. в период Смутного времени еще больше усугубило ситуацию. Возникла даже реальная угроза потери национальной независимости. Последствия всех этих событий давали знать о себе еще очень долго. Фактически приходилось восстанавливать не только разрушенную экономику, но и государственность. Это восстановление шло по пути дальнейшей централизации. Система местного самоуправления, сформировавшаяся в результате реформ Избранной Рады, была ликвидирована, и по сути произошел возврат к системе кормлений. В XVII в. власть на местах сосредоточилась в руках воевод, назначаемых из центра. Это были отставные военные, их служба не оплачивалась государством. Воеводу и его людей содержало местное население. Контроль над деятельностью воевод был слабым, особенно в отдаленных уездах, что создавало благоприятную почву для злоупотреблений.

Усилилась коррупция и в центральных органах власти, где складывался бюрократический аппарат. Поначалу малочисленный (при Иване III в нем состояло не более 200 человек), к XVII в. он значительно умножился (до 4,5 тыс. человек). Разросшаяся приказная система была весьма запутанной, приказы часто дублировали деятельность друг друга, поэтому одно и то же дело могло находиться в разных приказах. Давало о себе знать также и несовершенство судопроизводства и законодательства. Государство стремилось сосредоточить основные судебные дела именно в столице, и большинству участников тяжб приходилось ехать в Москву. Воеводам на местах оставались лишь самые незначительные судебные случаи. В результате столичные приказы были буквально завалены нерешенными судебными делами, их прохождение двигалось очень медленно, они «волочились», откуда и произошла знаменитая «московская волокита». Служащие приказов, дьяки и подьячие, рассматривали в первую очередь дела тех, кто давал

взятку, а кто не имел такой возможности, тот вынужден был томиться в ожидании неопределенно долгое время.

Московские цари предпринимали попытки ограничить взяточничество и казнокрадство, но искоренить это зло так и не смогли. Одной из мер по усилению контроля над приказной системой было создание при царе Алексее Михайловиче Тайного приказа (Приказа тайных дел). Он был полностью подчинен царю и состоял только из дьяков и подьячих, бояре в него не входили. Приказ был призван объединить в руках царя нити контроля над государственным управлением. По словам современника, Приказ тайных дел был создан «для того, чтобы царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали». Однако вскоре после смерти Алексея Михайловича Приказ тайных дел был закрыт. Важным мероприятием по борьбе со злоупотреблениями стало и то, что в новом своде законов, изданном в 1649 г., и получившем название Соборного уложения, был значительно расширен круг коррупционных правонарушений и субъектов коррупции.

Распространение взяточничества и казнокрадства подрывало доверие к власти, принципам государственного управления, вызывало серьезные социальные потрясения. Недаром XVII в. вошел в историю России как «бунташный». Ярким примером того, к каким последствиям может привести коррупция в сложное для государства время, является Соляной бунт 1648 г. в Москве. Накануне бунта непопулярные меры правительства в налоговой системе усугублялись лихоимством высокопоставленных чиновников. Особенно «отличились» возглавлявший Земский приказ Л.С. Плещеев, который по ложным обвинениям сажал людей в тюрьму и освобождал только за взятку, а также руководитель Пушкарского приказа П.Т. Траханиотов, который присваивал жалованье служилых людей. Поэтому, когда восстание началось, его участники потребовали выдать лихоимцев народу, что и было сделано. Палач вывел Плещеева на площадь, и толпа буквально растерзала взяточника. На следующий день печальная участь постигла и Траханиотова. Его водили с колодкой на шее по столице, а затем казнили. Это послужило хорошим уроком для других чиновников, хотя взяточничество и не прекратилось.

Первая четверть XVIII в. вошла в историю России как время петровских реформ, оказавших огромное влияние на развитие российской государственности. Подготовленные в значительной степени всем предшествующим социально-экономическим развитием страны, реформы, тем не менее, не носили плавного характера. Они привели к тому, что в развитии России произошел стремительный скачок, сопровождавшийся внедрением многочисленных новшеств, которые не

органично и спокойно вписывались в российскую действительность, а врывались резко и жестко, часто насильственно навязывались сверху. Это было связано с несколькими причинами: во-первых, реформы проходили в условиях войны, поскольку большую часть правления Петра I Россия воевала, во-вторых, у царя не было четкого плана преобразований, и они шли довольно хаотично, спонтанно, под давлением конкретных обстоятельств. Естественно, это вело к огромным потерям и издержкам.

Реформы, проведенные Петром I, завершили процесс складывания в России абсолютной монархии. Суть абсолютизма была выражена еще в «Уставе воинском» 1716 г.: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Абсолютному монарху принадлежала вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, он являлся также главнокомандующим вооруженными силами страны. Московское государство превратилось в Российскую империю – в октябре 1721 г., после победы в Северной войне, Петр I принял титул «Отца Отечества, Императора всероссийского».

Абсолютистские режимы к тому времени уже существовали в большинстве стран Западной Европы. Но на Западе абсолютизм, являвшийся по своей природе феодальным режимом, возникал в условиях существования капиталистических отношений и своеобразного «равновесия сил» буржуазии и дворянства. В России этого не было. Поэтому можно говорить, что в России сложился особый тип абсолютизма. Главное его отличие от западного заключалось в том, что существовала фактическая самостоятельность абсолютистского режима по отношению к гражданскому обществу, что ставило его над обществом.

Проведенные Петром I реформы государственного аппарата и управления имели колоссальные последствия. Фактически при Петре I были заложены основы тоталитаризма в нашей стране. Император сумел создать так называемое «регулярное государство» – полицейско-бюрократическое по своей сути, в котором жизнь каждого человека жестко регламентировалась. Для такого типа государства были характерны система всеобъемлющего контроля, паспортный режим, доносительство. В петровское царствование был создан огромный бюрократический аппарат, который продолжал постепенно увеличиваться, и роль которого в управлении государством все больше возрастала. Интересы этого бюрократического аппарата вступали в противоречие с интересами общественного развития, поскольку критерием успешной работы чиновников являлось в первую очередь

упорядоченное делопроизводство, а не реальное состояние дел. К тому же содержание постоянно увеличивающегося бюрократического аппарата требовало все больших расходов, которые зачастую превышали финансовые ресурсы государства, что стало отчетливо проявляться уже при Петре I, и прежде всего в работе местных органов власти. Естественно, что нехватку финансирования чиновники компенсировали поборами с населения. А.И. Герцен в своей знаменитой книге «Былое и думы» писал по этому поводу: «Один из самых печальных результатов петровского переворота – это развитие чиновничьего сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме «служения», ничего не знающий, кроме канцелярских форм, он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых» [5, с. 226].

Таким образом, можно сделать вывод, что реформы Петра I не только не ликвидировали условия для коррупции в России, но даже создали более благоприятную почву для нее. Следует отметить, что сам царь достаточно хорошо понимал реальное положение дел, не имел иллюзий в оценке моральных качеств людей, заполнявших многочисленные канцелярии, и с подозрением относился к чиновникам. Как отмечает один из исследователей данного периода истории России Н.И. Павленко, царь «едва ли не в каждом из них готов был видеть казнокрада, мздоимца, вымогателя, человека, не знающего границ в утолении жажды наживы за счет ограбления государства и отдельных подданных государя» [6, с. 456].

Исходя из подобных оценок чиновников, Петр I большое внимание уделял созданию контролирующих органов, которые учреждались одновременно с аппаратом управления. Показательно, что в 1711 г. в один и тот же день были учреждены Сенат и институт фискалов. Фискалы должны были тайно проводить, доносить и обличать, не вмешиваясь в ход самого дела. Они подчинялись только обер-фискалу, должность которого была учреждена при Сенате. Именно ему они и докладывали обо всех выявленных нарушениях.

В 1718–1721 гг. были созданы новые исполнительные органы центральной власти – ими стали коллегии, заменившие запутанную приказную систему (к тому времени существовало 44 приказа). Дела в коллегиях рассматривались и решались коллегиально. Одна из коллегий – Юстиц-коллегия ведала судебными делами. Петр даже предпринял попытку отделить судебную власть от административной, но реализовать задуманное ему не удалось.

Большое значение в петровском государстве имел карательный орган, именовавшийся Преображенским приказом. Он возник еще в

конце XVII в. и вел следствие, а также суд по политическим делам. В 1718 г. создается еще один карательный орган – Тайная канцелярия. Она тоже осуществляла следствие и суд по политическим делам, но в ее компетенцию в основном входили дела, касающиеся Петербурга и округа. Важную роль играл и «Кабинет» – так называлась личная канцелярия Петра I.

В 1722 г. в России был создан важнейший контрольный орган – прокуратура. При Сенате была учреждена высшая в стране должность генерал-прокурора, а в коллегиях – прокуроров. В отличие от фискалов, прокуроры, обнаружив нарушение законности, должны были его исправить. Генерал-прокурор был наделен очень большими полномочиями и мог быть назначен или отстранен только царем. Он руководил заседаниями Сената и осуществлял контроль над его деятельностью. В указе, изданном Петром I, о должности генерал-прокурора говорилось следующее: «Сей чин, яко око наше и стряпчий о делах государственных». Первым генерал-прокурором был назначен П.Н. Ягужинский.

Но, несмотря на наличие развитой системы контроля, коррупция в России при Петре I продолжала существовать. Причем в злоупотреблениях были замечены весьма высокопоставленные лица, в том числе и те, кто по долгу службы должен был сам бороться с лихоимством, и даже люди из ближайшего окружения царя. Так, в казнокрадстве был уличен сибирский губернатор князь М.П. Гагарин. Ему вменяли в вину не только кражу казенных денег, но и получение взяток, вымогательство подношений у купцов и присваивание чужих товаров. Он дошел до того, что присвоил себе три алмазных перстня и алмаз в гнезде, предназначавшийся для жены Петра I – Екатерины [6, с. 460]. Злоупотребления были столь очевидны, что проворовавшийся губернатор даже не стал отрицать их, и в своей челобитной на имя царя просил лишь о сохранении жизни для того, чтобы уйти в монастырь. Однако такой милости от Петра он не получил и в назидание другим казнокрадам был повешен в июле 1721 г. перед зданием Юстиц-коллегии.

Заслуга в разоблачении князя Гагарина принадлежала обер-фискалу А.Я. Нестерову. Но через несколько лет, в январе 1724 г., был публично колесован и сам обер-фискал, который, как оказалось, также был замешан в очень серьезных злоупотреблениях. Петербургскому вице-губернатору Я.Н. Корсакову за казнокрадство после пыток публично жгли язык, а затем отправили в ссылку. Такая же участь постигла и сенатора князя Григория Волконского. В подрядных махинациях были уличены высокопоставленные вельможи, пользующиеся доверием царя – адмирал Ф.М. Апраксин, канцлер Г.И. Головкин, А.В. Кикин,

У. Синявин. Неоднократно привлекался к следствию по обвинению в казнокрадстве и фаворит царя – Александр Меншиков, и только снисходительность Петра I к своему любимцу позволила князю избежать сурового наказания. Впрочем, как полагают многие историки, Меншиков вполне мог разделить судьбу других казнокрадов, если бы император прожил еще несколько лет, «тем более, что главная его заступница, Екатерина, из-за своей супружеской неверности утратила влияние на царя» [7, с. 83].

После смерти Петра I в России наступила эпоха дворцовых переворотов, характеризующаяся неустойчивостью и неопределенностью политической власти, расцветом фаворитизма. Большую часть этого периода на престоле находились женщины. Некоторых из них можно было назвать императрицами лишь по формальным признакам, поскольку отнюдь не они управляли государством – реальные бразды правления находились в руках различных вельмож. Достаточно красноречиво об этом говорят деяния фаворита императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) – Эрнеста Иоганна Бирона, про которого историк С.Ф. Платонов писал, что «единственной целью его было собственное обогащение, единственной заботой – упрочение своего положения при дворе и в государстве» [8, с. 620]. Естественно, подобная обстановка создавала самые благоприятные условия для коррупционных злоупотреблений, тем более что чиновникам часто задерживали, а иногда и вообще не платили жалованье, поскольку денег на содержание бюрократического аппарата у казны катастрофически не хватало.

Ситуация несколько улучшилась в период правления Екатерины II. Тогда в России были проведены меры по упорядочению судопроизводства и даже сделаны правые шаги по созданию правового государства. Однако коррупция продолжала существовать. То же самое можно сказать и в отношении периодов правления Павла I и Александра I.

Николай I, вступивший на престол после подавления восстания 14 декабря 1825 г., потребовал создать свод показаний декабристов о внутреннем состоянии России. Этот документ отчетливо показал всю степень беззакония в администрации, суде, финансах и т.д. Причины крылись в бесконтрольном образе государственного управления и сопутствующей ему коррупции практически во всех эшелонах власти. Для того чтобы реально представлять положение дел в стране, император в начальный период своего правления послал в губернии своих доверенных сановников. В результате проведенной ими строгой ревизии на местах обнаружилась весьма неприглядная картина всевозможных злоупотреблений. Даже в самой столице, в Петербурге «...ни одна касса

никогда не проверялась; все денежные отчеты составлялись заведомо фальшиво; несколько чиновников с сотнями тысяч пропали без вести» [9, с. 433].

Николай I понимал, что изменить положение в стране можно лишь путем преобразований, что нужно пойти на уступки «духу времени», но при этом боялся реформ и их последствий. Выход из создавшегося положения он видел в усилении личной власти, бюрократизации и милитаризации страны, борьбе с инакомыслием и усилением карательных органов. Чиновничий аппарат стал разрастаться невиданными темпами. К концу правления Николая I он увеличился по сравнению с началом века примерно в шесть раз, хотя численность населения России увеличилась за это время лишь в два раза. Проверить правдивость многих тысяч отчетов, поступающих в различные органы власти, было практически невозможно, к тому же руководили большинством учреждений, в том числе и министерствами, армейские генералы, плохо знакомые с новым для них делом. В такой ситуации руководители попадали в зависимость от своих подчиненных. Среднее чиновничество стало играть в управлении государством все большую роль. Это признавал Николай I, сказавший однажды, что «Россией правят столоначальники». Понимали это и сами чиновники, что способствовало распространению коррупции. Как отмечал В.О. Ключевский, «под покровом канцелярской тайны совершались дела, которые даже теперь кажутся чистыми сказками» [9, с. 439]. В качестве иллюстрации он приводит историю дела одного откупщика, которое разрослось до нескольких сотен тысяч листов. Когда это дело приказано было перевести из московского департамента в Петербург, потребовалось несколько десятков подвод. Однако по пути «оно все до последнего листа пропало без вести, так что никакой исправник, никакой становой не могли ничего сделать, несмотря на строжайший приказ Сената; пропали листы, подводы и извозчики» [9, с. 439].

О масштабах коррупции в николаевской России красноречиво свидетельствует и такой пример: по данным Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в конце 40-х гг. XIX в. из всех губернаторов России только трое не брали взятки: киевский – Писарев, поскольку был очень богатым человеком, таврический – Александр Муравьев, бывший декабрист, и ковенский – Радищев, сын А.Н. Радищева. Оба последних не брали взятки «по убеждениям» [10, с. 37]. Впрочем, это отнюдь не означало, что чиновники вверенных им в управление губерний тоже не брали взятки.

Безнаказанно творить злоупотребления российским чиновникам помогало и то, что в стране со времен Соборного уложения 1649 г. не было составлено нового единого свода законов. Существовало

множество манифестов, указов, положений, которые зачастую противоречили друг другу, чем очень ловко пользовались опытные бюрократы в своих корыстных целях. Николай I приказал составить Свод законов Российской империи, что, по его мнению, должно было способствовать наведению порядка в стране без изменения ее политического строя. Свод законов был составлен и утвержден в 1833 г., однако в условиях всеобщей коррупции это не изменило ситуацию в России.

Безнаказанность чиновников и круговая порука, утвердившаяся в их среде, сводили на нет все усилия императора по улучшению деятельности государственного аппарата. Именно при Николае I чиновничество в России превратилось в некое подобие сословия, неуязвимо и сознающего свою силу. Это сословие с некоторыми видоизменениями благополучно существует и по сей день, по-прежнему занимаясь мздоимством и лихоимством, представляя реальную угрозу для развития страны.

Поражение России в Крымской войне показало полную несостоятельность политики Николая I и насущную необходимость реформ, которые и были проведены в 60–70-е гг. XIX в. Александром II. Одним из важнейших преобразований была судебная реформа 1864 г. – суд становился бессловным, гласным, независимым и состязательным. Создавалась также система выборных органов местного самоуправления. Казалось, что реформы Александра II могут коренным образом изменить историю страны и к тому же покончить с коррупцией. Но этого не произошло, поскольку проведенные преобразования не были подкреплены изменениями в политической сфере. Самодержавная власть сохранилась; мало того, после убийства Александра II народовольцами на престол вступил его сын Александр III, который стал проводить политику контрреформ и укреплять монархический строй.

Бюрократический аппарат очень скоро приспособился к изменившимся условиям и понял, что пореформенная Россия открыла новые широкие возможности для различных злоупотреблений, придав им чуть более цивилизованный вид. Предпринимательская деятельность в России того времени полностью зависела от разрешений чиновников, вымогающих солидные взятки. Громадные средства, в том числе и государственные, не направлялись на инвестиции в промышленность, а оседали в карманах бюрократов. Коррупция явно тормозила развитие рыночных отношений. Для ограничения взяточничества и вымогательства при Александре III было принято специальное решение, запрещавшее совмещение государственных должностей с должностями в акционерных обществах и банках. Однако чиновники нашли выход и стали «проталкивать» в эти организации своих родственников.

Правление последнего российского императора Николая II также характеризуется расцветом коррупции, в которой были замешаны не только чиновники всех рангов, но и люди из ближайшего окружения царя. Достаточно вспомнить деяния «святого старца» Григория Распутина, открыто бравшего взятки за решение всевозможных дел, в том числе за назначение на высокие государственные должности. В коррупционные отношения были вовлечены даже члены императорской фамилии – великие князья. А.В. Суворин, журналист и издатель газеты «Новое время», хорошо осведомленный во всех подробностях общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX вв., в своем дневнике пишет об этом так: «Теми или другими способами великие князья всегда брали взятки и старались наживаться всякими способами, даже комиссионерством» [11, с. 377]. Например, в августе 1904 г., т.е. во время русско-японской войны, не состоялась покупка у Аргентины столь необходимых России кораблей, «...потому что для великого князя Александра Михайловича просили взятку в 500 тыс. рублей. Там проливают кровь, а великие князья взятки берут. Россия – это поместье Романовых, и они наживаются всячески» [11, с. 470].

Коррупцированы были все государственные ведомства, и особенно полицейское. Причем полиция пользовалась в стране такой дурной славой, что отношение к ней было самым негативным во всех слоях общества. Офицеры армии открыто презирали полицейских и не хотели переходить в полицейский корпус, поэтому попадали туда люди весьма сомнительные. К тому же жалованье в полиции платили невысокое, что тоже способствовало развитию злоупотреблений в ее среде.

Безудержная коррупция, наряду с другими противоречиями российского общества, стала причиной вызревания революционных настроений в стране и в конечном итоге способствовала приходу к власти большевиков.

Проводимая большевиками в период гражданской войны политика «военного коммунизма» потребовала создания новой бюрократии, взявшей на себя распределительные функции. После гражданской войны в Советской России формируется собственный управленческий аппарат, однако отказаться от привлечения к этой работе бывших царских чиновников большевики не смогли из-за отсутствия своих подготовленных кадров. Поэтому наблюдалось своеобразное сращивание новой бюрократии со старой, дореволюционной, в результате чего возникла советская бюрократия, в значительной степени унаследовавшая все пороки прежних времен, и прежде всего – коррумпированность. Уже в период НЭП данная проблема показала себя со всей очевидностью: были выявлены многочисленные случаи взяточничества, расхищения

государственных средств, сырья с госпредприятий. Все это вынудило молодое советское государство принять жестокие карательные меры. В 1922 г. вышел закон, по которому за взятку полагался расстрел. В последующем подобные меры по борьбе с коррупцией вошли в постоянную практику Страны Советов, особенно при И.В. Сталине, что, несомненно, повлияло на снижение уровня коррупционных преступлений.

Однако утверждать, что в сталинский период в СССР не было коррупции, нельзя. Она существовала, хотя и не в таких формах и размерах как в царской России. Дело в том, что в то время особенно отчетливо прослеживалась взаимосвязь власти и богатства, причем богатства не в классическом его понимании. Советскому чиновнику не нужны были деньги для приобретения автомобиля, особняка, квартиры и т.д. Все это давало ему положение во власти. Приобретая автомобиль на деньги, полученные в качестве взятки, чиновник наверняка попал бы в тюрьму, а то и под расстрел. К тому же просто купить автомобиль в СССР тогда было невозможно. А вот пользоваться по своему усмотрению казенным автомобилем с персональным водителем, положенным чиновнику по штату, законом не возбранялось. Поэтому в высших эшелонах власти шла ожесточенная борьба за престижные места, а не за возможность получения взяток.

Бюрократический аппарат при И.В. Сталине значительно вырос и окреп. Появилась так называемая номенклатура, занимающая особое место в обществе, живущая собственной жизнью, обособленной от остального населения, и интересы ее во многом прямо противоречили интересам народа. В условиях тотального дефицита номенклатура пользовалась всевозможными привилегиями, получая все необходимое для безбедного существования (продукты питания, одежду, медицинское обслуживание и проч.) через систему закрытых распределителей, спецбольниц, спецсанаториев и т.д. Фактически номенклатура жила по своим законам в особом социуме, созданном ею же самой для себя.

По своей сути и положению в обществе советская номенклатура очень походила на сословие бюрократов, сформировавшееся при Николае I. Наиболее ярко это сходство стало проявляться в период руководства Л.И. Брежнева, особенно в последние годы его жизни. Даже в общих принципах проводимой государственной политики период «развитого социализма» очень напоминал николаевский «апогей самодержавия». Для характеристики этих двух эпох хорошо подходит общий термин – стагнация. Коррупция в годы «застоя» стала проникать во все эшелоны власти, дискредитируя ее и вступая в вопиющие противоречия с потребностями общества. Взятничество поразило и такие сферы общества как здравоохранение и образование, чего раньше

практически не наблюдалось. Однако, несмотря на все это, само понятие «коррупция» стало употребляться применительно к СССР только со второй половины 80-х гг. XX в., поскольку прежде считалось, что подобного явления не может быть в социалистической стране и оно характерно лишь для буржуазного общества. Несомненно, что коррупция в значительной степени усугубила кризис советского социализма и приблизила распад СССР.

Процесс образования самостоятельных государств из бывших республик СССР сопровождался политическими, экономическими и социальными кризисами, конфликтами на национальной почве. Становление новой российской государственности протекало в экстремальных условиях гиперинфляции, безработицы, поспешной ваучерной приватизации, скорее похожей на разграбление госимущества. На фоне ожесточенной борьбы за власть и бездействия правоохранительных органов происходила криминализация общества. Именно в то время сформировались тенденции, которые в значительной степени объясняют громадные масштабы коррупции в наши дни. Во-первых, приватизация собственности проводилась так, что в результате собственниками становились либо сами представители номенклатуры, либо те, кто имел с ними связи и таким образом получил доступ к приватизационному процессу. Во-вторых, в приватизацию в той или иной степени были вовлечены представители криминального мира, которые тоже оказались связанными с номенклатурой. Многие из криминалитета сумели затем легализовать свой бизнес, привнеся в него криминальные нравы. В-третьих, произошел возврат к временам «кормлений». В условиях невыплаты зарплат люди разных профессий, в том числе врачи, преподаватели, сотрудники правоохранительных органов и др. стали использовать свою работу для получения дополнительных доходов, одни – чтобы выжить, другие – чтобы обогатиться. В-четвертых, произошло очередное увеличение численности бюрократического аппарата, костяк которого составила прежняя номенклатура.

Таким образом, значительная часть представителей крупного бизнеса современной России добилась своего положения через злоупотребления и откровенный криминал. Бюрократический аппарат сейчас имеет в стране огромную власть и использует ее в своих корыстных целях. Коррупция получила широчайшее распространение, в нее так или иначе вовлечены все слои общества и она стала привычной составляющей жизни всего населения. Коррупция превратилась в норму жизни, особенно в сфере бизнеса, политики, бюрократического аппарата, и стала носить системный характер.

Подобное положение дел долго продолжаться не может, поскольку уровень коррупции в России уже превысил все допустимые нормы. Она буквально парализует общество, становясь серьезной преградой на пути развития государственности, демократии, экономики, порождая преступность, безнравственность и вседозволенность.

Руководство страны, хорошо понимая опасность разрастания коррупции, стало вырабатывать комплекс мер по борьбе с ней. Вступивший на пост президента Российской Федерации в марте 2008 г. Д.А. Медведев назвал коррупцию «врагом номер один» и объявил борьбу с нею приоритетным направлением политики государства. В мае 2008 г. президент подписал указ о создании Совета по борьбе с коррупцией, а в июле – план по противодействию коррупции. Выступая в сентябре того же года на заседании упомянутого Совета, Д.А. Медведев заявил: «Коррупция в нашей стране приобрела не просто масштабные формы. Она стала привычным, обыденным явлением, которое характеризует саму жизнь нашего общества» [12].

В России был разработан президентский пакет антикоррупционных законов и появились основания полагать, что после его утверждения в стране начнется действенная борьба со злоупотреблениями. Однако на практике достигнуть решающих успехов в борьбе с коррупцией в период президентства Д.А. Медведева не удалось. Согласно отчету международной организации «Transparency International» за 2010 г. в рейтинге коррумпированности Россия заняла 154 место из исследуемых 178 стран мира, соперничая в этой области не с развитыми западными странами, а с африканскими, такими как Кения. Наша страна получила у исследователей коррупции 2,1 балла по десятибалльной шкале, в которой ноль баллов означает максимальный уровень коррумпированности [2].

Нельзя сказать, что президентский план полностью остался на бумаге, и в России в это время совсем не велась борьба с коррупционерами. Так, по заявлению генерального прокурора Ю.Я. Чайки, в результате прокурорских проверок в 2008 г. было возбуждено 3400 уголовных дел о коррупции. Однако эффект от проведенной работы оказался ничтожным, поскольку коррупция в России приняла системный характер и наказанию за нее подвергается очень малое число коррупционеров. Тем более что законодательная база страны предоставляет широкие возможности для махинаций. По сведениям самого Ю.Я. Чайки, «уже сейчас прокуроры насчитали около 10 тысяч различных нормативных актов, дающих прямые лазейки для коррупции, и это еще не предел» [13].

Помимо этого, антикоррупционная борьба в России осложняется еще и тем, что многие сотрудники правоохранительных органов, в том

числе и те, кто непосредственно должен бороться с коррупцией, сами в ней замешаны и покрывают ее [14].

В последние годы (2012–2016) борьба с коррупцией в России заметно активизировалась и стала приобретать последовательный целенаправленный характер, о чем свидетельствует ряд громких дел против высокопоставленных чиновников. В качестве примера можно упомянуть аресты губернатора Сахалинской области А.В. Хорошавина и главы республики Коми В.М. Гайзера и возбуждение в отношении них уголовных дел, а также анонсированное Следственным комитетом разбирательство в отношении еще 18 глав регионов.

Выступая в Кремле на заседании Совета при президенте по противодействию коррупции в январе 2016 г., В.В. Путин привел следующие статистические данные – за девять месяцев 2015 г. по коррупционным делам осуждено свыше 8,8 тыс. человек и почти 11 тыс. должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционных стандартов. Вместе с тем, как отметил далее глава государства, вопрос о компенсации ущерба, нанесенного стране коррупционными действиями решается очень плохо: из 15,5 млрд. рублей, которые должны были быть взысканы по делам о коррупции, удалось возратить лишь 0,5 млрд. [15].

Тогда же, в январе 2016 г., в России началось формирование антикоррупционного плана на ближайшие годы. Среди прочих мероприятий для повышения эффективности борьбы с коррупцией этот план предполагает: 1. изъятие имущества, полученного за счет незаконных доходов; 2. ответственность глав субъектов РФ за борьбу с коррупцией в регионах; 3. расширение списка лиц, которым запрещено иметь иностранные счета и ценные бумаги (этот запрет распространяется на всех чиновников, участвующих в подготовке решений, касающихся суверенитета страны и национальной безопасности); 4. внесение изменений в уголовное законодательство для усиления борьбы именно с крупными коррупционными деяниями. В настоящее время уже рассматриваются законопроекты, направленные на ужесточение наказаний за крупные взятки – вплоть до 20 лет лишения свободы.

В своем послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. президент России заявил, что борьба с коррупцией в стране будет усиливаться, при этом «ни должность, ни высокие связи, ни былые заслуги не могут быть прикрытием для нечистых на руку представителей власти» [16].

Государство, полностью свободное от коррупции – это что-то утопическое, и, наверное, недостижимое для человечества. Однако необходимо понимать, что уровень коррупции является важнейшим показателем эффективности экономической системы и политики

государства и в конечном итоге – его жизнеспособности. Исходя из этого, борьба с коррупцией является одним из приоритетных направлений политики современной России, и остается надежда, что уже в обозримом будущем необходимые и достаточные меры будут приняты, воровства в государственных и бытовых масштабах станет меньше, а жизнь простых граждан улучшится. Надежду на это вселяет то, что в настоящее время в России действительно наблюдается явная активизация деятельности государства по борьбе с коррупцией.

Литература

1 Коррупция – это не национальная особенность России // Росбалт. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2008/06/24/497062.html> (дата обращения: 15.04.2016).

2 Коррупция // Википедия. – [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Коррупция> (дата обращения: 10.11.2015).

3 Москва. Пресс-конференция Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Россия» «Представление традиционного ежегодного исследования «Индекс восприятия коррупции 2008» // Росбалт. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2008/09/23/525333.html> (дата обращения: 10.11.2015).

4 История государства и права России / Под ред. Ю.П. Титова. – М.: Проспект, 1998.

5 Герцен, А.И. Былое и думы / А.И. Герцен. – Л.: Лениздат, 1978.

6 Павленко, Н.И. Петр Великий / Н.И. Павленко. – М.: Мысль, 1990.

7 Павленко, Н.И. Птенцы гнезда Петрова / Н.И. Павленко. – М.: Мысль, 1994.

8 Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. – СПб.: Кристалл, 1997.

9 Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах: Книга 3 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1993.

10 Косулина, Л.Г. История России. Часть 2: Расцвет и закат Российской империи (XIX – начало XX века) / Л.Г. Косулина, Л.Н. Ляшенко. – М.: Знание, 1994.

11 Суворин, А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / А.С. Суворин. – М.: Независимая газета, 1999.

12 Борьба с вредной привычкой. Дмитрий Медведев провел первое заседание Совета по противодействию коррупции // Российская газета. – [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/10/01/korruptciya.html> (дата обращения: 10.11.2015).

13 Авторитетики не должны находиться во власти // Известия. – 2009. – 26 февраля. – [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/345890> (дата обращения: 10.11.2015).

14 Новиков, Д. Питерский «решала» Юрий Тимченко / Д. Новиков // Компромат. – [Электронный ресурс]. URL: <https://compromat.ws/piterskij-reshala-yurij-timchenko/> (дата обращения: 20.12.2016).

15 Путин: Искоренить коррупцию сразу не удастся, но нужно попробовать // Ведомости. – 2016. – 26 января. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/01/26/625539-putin-korruptsiyu> (дата обращения: 15.04.2016).

16 Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года // Президент России. – [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 19.12.2016).

Ковбенко Н.Д.

*к.ю.н., доцент кафедры истории
Отечества, науки и культуры
СПбГТИ (ТУ)*

2 КОРРУПЦИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Согласно словарю, коррупция (от лат. *corruptio* – подкуп) – это преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения [1, с. 642]. Наиболее распространенное проявление коррупции – взяточничество.

Проблема коррупции как негативного социального явления на сегодняшний день чрезвычайно актуальна в России. В различной степени коррупция проникла во все сферы общественной жизни, став существенной помехой для развития экономики, государственности и общества в целом, а также источником безнравственности и преступности. Необходимость исследования коррупционных проявлений и противодействия им определяется, прежде всего, их общественной

опасностью, чрезвычайной распространенностью и высокой латентностью.

Коррупция сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Истоки этого явления обнаруживаются уже в первобытности. По мере развития государственности, возникновения серьезных бюрократических аппаратов, увеличивались и масштабы коррупции. Высшие чины начинали использовать должностное положение для обогащения и укрепления своего влияния. Хотя правители государств издавна стремились сократить масштабы взяточничества, принимая жесткие и даже жестокие меры (к примеру, отрубание руки провинившемуся чиновнику в средневековой Швеции), преуспеть на поприще борьбы с коррупцией они не смогли.

Все эти проблемы были свойственны и нашему государству – от Древней Руси до СССР. К сожалению, не изжита коррупция и в современной России. Наоборот, в постсоветский период коррупционные злоупотребления достигли невиданных прежде масштабов. Пик разгула коррупции пришелся на так называемые «лихие девяностые» – время, когда происходило становление новой российской государственности. По данным, приводимым некоторыми авторами, к началу 2000-х гг. высшие органы власти были коррумпированы на 90–100%, а власть в стране контролировалась олигархами, которые уклонялись от уплаты налогов и с успехом лоббировали нужные им законы [2]. Характеризуя сложившуюся ситуацию, академик РАН Т.Я. Хабриева отмечает, что коррупция в наши дни распространена «как на элитарном, так и на среднем и низовом уровнях; проникает во все сферы и подсистемы общественного бытия; затрагивает интересы всех социальных групп, слоев и классов общества; поражает экономику и политику, социальную сферу и культуру. В современной России отношениями коррупции пронизаны все сферы социального взаимодействия» [3, с. 35].

Основными формами проявления коррупции являются: «взяточничество за законное и незаконное предоставление благ и услуг; протекционизм, проявляющийся в должностных продвижениях лиц по признакам родства, приятельских отношений или личной преданности; сращивание работников органов управления с преступными элементами и сокрытие преступлений отдельных лиц и обеспечение их безнаказанности; поддержка и лоббирование интересов теневой экономики в ответ на политическую поддержку или выдвижение на должности во властных структурах; инвестирование частных предприятий и организаций за счет государственного или местного бюджета; приватизация с незаконной передачей государственной собственности в частные руки, (...) предоставление льгот, секретной служебной информации заинтересованным лицам; предоставление права

или возможностей заключать выгодные контракты; содействие в заключении невыгодных для государства контрактов с иностранными фирмами и другие» [4].

К наиболее коррумпированным сферам деятельности относятся таможенные службы (пропуск через границу запрещенных к перевозу товаров; возврат конфискованных товаров и валюты; занижение таможенных пошлин и т.д.), налоговые органы (невзимание налогов в полном объеме; «закрытие глаз» на налоговые правонарушения; непроведение контрольных мероприятий и т.д.), правоохранительные органы (возбуждение и прекращение уголовных дел, а также направление их на дополнительное расследование; отсутствие законного наказания за правонарушения различной тяжести), бюрократия (взятки за оформление справок, разрешений, прочих документов и т.д.), учебные заведения (покупка и продажа дипломов; завышение результатов экзаменов). И даже борьба с коррупцией зачастую является прикрытием для воровства выделенных на ее реализацию средств [5].

Как показывают исследования, коррупции подвержены и богатые, и бедные страны. Споры относительно характера воздействия коррупции на экономику продолжаются. Можно предположить, что если изначально экономика неэффективна, то коррупция может стимулировать более активное экономическое поведение и рост. Если же экономика достаточно развита, то коррупция может внести искажения в ориентиры роста, что негативно скажется на народном хозяйстве. Однако в любом случае уровень коррупции рассматривается как важнейший показатель эффективности экономической системы. По результатам опроса общественного мнения, проведенного в России в 2006 г., 50% респондентов назвали «коррупцию, разбазаривание государственных денег и имущества» главным препятствием на пути экономического подъема [6].

Негативные последствия коррупции для экономики и общественности хорошо известны. Так, коррупция «уменьшает экономическую эффективность государственного управления и бизнеса, стимулирует к инвестициям, сдерживает экономическое и политическое развитие, порождает социальное неравенство, а также вносит определенную нестабильность в политический процесс» [7, с. 43]. Кроме того, зачастую взятки государственным чиновникам предлагаются, чтобы компенсировать низкое качество товаров или услуг, которые в условиях честной конкуренции вряд ли были бы востребованы.

Некоторые эксперты отмечают, что «усиление, увеличение масштабов коррупции приводит к возникновению в российской экономике таких негативных явлений, как неэффективное распределение и расходование государственных средств и ресурсов; неэффективность

распределения финансовых потоков с точки зрения экономики страны; снижение объемов собираемых налогов (...) Порядка 400 миллиардов долларов ежегодно выводятся из экономики страны в виде взяток и «откатов». Социальная структура недополучает примерно 30–50% финансирования, а по ряду программ объем хищений достигает 70%! (...) Коррупционный механизм во многом является доминирующим в кадровых назначениях, в выборе подрядчиков, в выдаче разрешений, в сокрытии преступлений и т.д.» [3, с. 36].

Можно отметить, что наиболее опасным последствием коррупции в органах государственного и муниципального управления является рост теневой экономики, создание условий для подпольного и полуполигального бизнеса, что в свою очередь приводит к возрастанию масштабов подкупа бюрократии. Коррупция позволяет создать режим безнаказанности за экономические преступления и финансовые махинации, которые подрывают экономику страны [4]. Прямым следствием всего этого является провоцирование в стране массы социальных конфликтов: национальных, расовых и межконфессиональных. Из-за того, что подчас так и не удастся добиться справедливости по закону, люди начинают действовать сами. Таким образом, коррупция создает благоприятную среду для развития экстремизма в России, препятствует становлению полноценного демократического общества, а также наносит ущерб международному престижу государства.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает два вида коррупционных преступлений: получение взятки (статья 290 УК РФ) и дача взятки (статья 291 УК РФ) [8].

Получение взятки – одно из опаснейших должностных преступлений, особенно если оно совершается группой лиц или сопровождается вымогательством. Взяткополучателем может быть признано только должностное лицо – представитель власти или чиновник. Дача взятки – преступление, направленное на склонение должностного лица к совершению законных или незаконных действий (или бездействия), либо предоставлению каких-либо преимуществ в пользу дающего, в том числе за общее покровительство.

Получение взятки рассматривается Уголовным кодексом как более общественно опасное деяние, нежели дача взятки. Получение должностным лицом взятки за незаконные действия (бездействие) наказывается денежным штрафом в размере от 100 до 500 тысяч рублей, либо лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Дача взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий (бездействие) наказывается денежным штрафом в

размере до 200 тысяч рублей, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет. Освобождение от уголовной ответственности за дачу взятки может наступить только в случае, если будет доказан факт вымогательства взятки.

Российская Федерация принимает участие в различных программах по борьбе с коррупцией. 8 марта 2006 г. Россия ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и приняла на себя ряд обязательств по введению антикоррупционных механизмов. Был создан Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, сформированы комитеты и комиссии по борьбе с коррупцией в органах государственной власти, вступил в силу федеральный закон «О противодействии коррупции». Затем последовал ряд громких коррупционных дел.

В частности, стоит упомянуть прогремевший на всю страну в 2012 г. коррупционный скандал в Министерстве обороны по делу «Оборонсервиса». Сотрудники этого предприятия, в том числе занимающие руководящие должности, были уличены в хищении бюджетных средств и крупных финансовых махинациях. По данным на февраль 2013 г., нанесенный государству ущерб составил 13 миллиардов рублей. Скандал послужил причиной отставки министра обороны А.Э. Сердюкова. Против него было возбуждено уголовное дело по статье «Халатность» (ч.1 ст. 293 УК РФ), которое впоследствии было закрыто на основании объявленной Государственной Думой амнистии в честь 20-летия Конституции России. Остальные фигуранты дела понесли наказания различной степени тяжести: от домашнего ареста до пяти лет колонии общего режима. Таким образом, хотя меры и были приняты, сомнения в их эффективности и соразмерности преступлению до сих пор остаются.

В дальнейшем государство продолжало совершенствовать антикоррупционную политику. 11 апреля 2014 г. указом президента В.В. Путина был утвержден национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 гг. В документе председателю Верховного Суда Российской Федерации и Генеральному директору Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации поручалось «обеспечить создание подразделений, координирующих реализацию мероприятий по противодействию коррупционным правонарушениям в судебном корпусе и аппаратах судов» [9]. Также в апреле 2014 г. стало известно, что политическая партия КПРФ готовит поправку к Конституции, отменяющую мораторий на высшую меру наказания. Смертную казнь предлагалось ввести в том числе за преступления, связанные с коррупцией: взятки в особо крупных размерах и хищение государственного имущества. Это могло бы значительно уменьшить

масштабы коррупционной преступности в государстве, хотя с самого начала возникали сомнения, что наше правительство пойдет на столь жесткие меры и что данная инициатива будет одобрена. И действительно, предложение коммунистов до настоящего времени не нашло отклика у парламентского большинства.

Таким образом, борьба с коррупцией в России ведется, если можно так выразиться, «с переменным успехом», причем реальных результатов, дающих основание сделать заключения о каких-то резко положительных переменах в жизни общества, пока не достигнуто.

Обобщая вышесказанное, можно сделать выводы.

Во-первых, что же такое коррупция? Это процесс взаимовыгодного взаимодействия между криминальными элементами и органами власти, влекущий за собой отрицательные для общества последствия. Образно это явление можно охарактеризовать так: «Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный термометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а интересах общества» [10, с. 27].

Во-вторых, коррупция в России – особое, складывающееся в уникальных условиях параллельно с развитием нашего государства, обширное и многогранное явление. Этот коварнейший порок нашего общества обличали и высмеивали в своих произведениях литераторы во все времена: от именитых писателей (достаточно вспомнить гоголевского «Ревизора») до современных публицистов. Тему российской коррупции можно действительно отнести к числу «вечных тем».

В-третьих, коррупция, большая или меньшая, существует в каждой стране, но борьба с ней ведется по-разному. Антикоррупционных мер, принимаемых на сегодняшний день в России, недостаточно. Как представляется, для чиновника, уличенного во взяточничестве и казнокрадстве, более эффективным наказанием была бы, например, конфискация его имущества, а не домашний арест, денежное взыскание или даже тюремное заключение (в последнем случае проворовавшийся чиновник знает, что рано или поздно он выйдет на свободу, к своим недобросовестно нажитым богатствам). Готовы ли наши руководящие круги к принятию столь решительных мер? Разумеется, нет, ведь каждый власть имущий так или иначе вовлечен в этот огромный коррупционный водоворот; а деньги, выделяемые на проведение разнообразных, но недостаточно эффективных, антикоррупционных мероприятий – настоящее золотое дно для любого чиновника, не обремененного

совестью и честностью. И с этой наглостью, с сознанием вседозволенности и собственной безнаказанности, нужно бороться прежде всего.

Литература

1 Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 1600 с.

2 Коррупция в России // Руксперт. – [Электронный ресурс]. URL: http://ruхpert.ru/Коррупция_в_России (дата обращения: 01.10.2016).

3 Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – 688 с.

4 Кох, И.А. Нравственные аспекты коррупции / И.А. Кох // Чиновникъ. – 2000. – №1(7). – [Электронный ресурс]. URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2000/01/10/> (дата обращения: 01.10.2016).

5 Коррупция в России // Википедия. – [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Коррупция_в_России (дата обращения: 01.10.2016).

6 Коррупция – главное препятствие на пути экономического подъема // Левада-Центр: Аналитический центр Юрия Левады. – [Электронный ресурс]. URL: [http://www.levada.ru/2006/06/21/korruptsiya-glavnoe-prepyatstvie-na-puti-ekonomicheskogo-podema/](http://www.levada.ru/2006/06/21/korruptsiya-glavnoe-prepyatstvie-na-puti-ekonomicheskogo-podem/) (дата обращения: 01.10.2016).

7 Профилактика проявления коррупции. Возможные последствия для общества: Учебное пособие / В.Н. Нараев, П.А. Аркин, А.Б. Гуркин и др. – СПб.: [б.и.], 2008. – 64 с.

8 Уголовный кодекс РФ (раздел X; глава 30; ст. 290, 291).

9 Указ Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102348935&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 01.10.2016).

10 Ковбенко, Н.Д. Вопросы квалификации преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД / Н.Д. Ковбенко // Сборник трудов СПбУ МВД РФ. – 2004. – №20.

Потехина И.П.

*к.и.н., доцент кафедры истории
Отечества, науки и культуры
СПбГТИ (ТУ)*

3 К ИСТОРИИ ОДНОГО ПРЕСТУПНИКА: О ПОДЛИННЫХ ПРИЧИНАХ ОСУЖДЕНИЯ И НИЗЛОЖЕНИЯ АНТИПАПЫ ИОАННА XXIII

Личность Балтазара Косы – известного итальянского авантюриста, в 1410 г. взошедшего на папский престол под именем Иоанна XXIII (1410–1415) и ставшего одной из самых одиозных фигур в истории средневекового папства, – в течение многих десятилетий привлекала и продолжает привлекать к себе внимание исследователей и читателей. Понтификат этого папы, относящийся к периоду одного из самых тяжелых кризисов католической церкви – эпохе Великой схизмы (1378–1415) – интересен, в первую очередь, в плане своего влияния как на ход самого церковного раскола, так и на дальнейшее политическое развитие западной церковной организации, прошедшей за XIV–XV вв. путь от Авиньонского пленения пап до Реформации. Именно поэтому для историка крайне важным является рассмотрение главных направлений деятельности Иоанна XXIII, во многом заложившего основы внутрицерковной политики последующих пап. Одним из возможных путей для достижения этой цели представляется детальное рассмотрение обвинений, предъявленных последнему понтифику «пизанской обediенции» в ходе процесса, начатого против него делегатами Констанцского собора (1414–1418). Ведь именно в обвинительных статьях, и, в первую очередь, в тех из них, которые непосредственно привели к осуждению и низложению Иоанна, и проявились, как кажется, – пусть и косвенным образом – основные аспекты его церковно-политической деятельности, ответом на которую со стороны соборных отцов были суд и отрешение от должности.

Зачастую многие историки, в особенности приверженцы некоторых атеистических и антиклерикальных идей, а также в большинстве своем протестантские и православные исследователи в качестве основной причины осуждения и низложения Иоанна XXIII выдвигают его аморальный образ жизни и склонность к разврату, тем самым

фактически сводя всю его церковно-политическую деятельность к любовным похождениям. К такому же объяснению склоняются, как правило, и советские историки, последователи марксистской исторической теории, отправной точкой для аргументации которых обычно служит одно и то же высказывание К. Маркса о том, что антипапа Иоанн – «циник и развратник с противоестественными похотями». Однако то, что Иоанн (пусть и не признаваемый официальной католической церковью) был осужден Констанцским собором исключительно за свои скандальные любовные похождения, в действительности внушает некоторые сомнения. Ведь в подобных проявлениях со стороны пап в эпоху средневековья, по существу, не было ничего экстраординарного, и в разное время обвинениям в куда более наглом и откровенном разврате могли подвергнуться многие из предшественников (да и преемников) Иоанна. Таким образом, для осуждения и низложения «пизанского» понтифика требовались несравнимо более веские причины, выходящие за рамки простых обвинений в аморальном поведении и возвращении всевозможных пороков.

Одним из основных источников, призванных прояснить главные причины и предпосылки для осуждения папы Иоанна XXIII, могут служить непосредственно постановления Констанцкого собора за период с ноября 1414 по июнь 1415 г., содержащие, среди прочего, два различных варианта обвинительного заключения по делу понтифика. Подготовленные должностными лицами собора 16 и 25 мая 1415 г., эти документы содержат соответственно 70 и 54 пункта, а также ряд статей, которые, в соответствии с оригинальной формулировкой, не были обнародованы «во имя сохранения чести апостольского престола». При рассмотрении первой редакции обвинения (*Articuli LXX. dati contra Johannem Papam XXIII*) следует обратить особое внимание на композиционные особенности этого документа, придающие ему вид «перевернутого жития», то есть жития, в котором вместо традиционного описания добрых дел и чудес, творимых святым на протяжении всей его жизни, в том же хронологическом порядке перечисляются все преступления грешника-папы – при этом как вполне правдоподобные, так и мнимые. И в связи с этим представляется возможным разделить все обвинения против Иоанна XXIII на «житийные», являющиеся необходимым элементом инвективной композиции и преследующие, как

нам кажется, только одну цель – максимально дискредитировать папу как пастыря и личность, и по-настоящему серьезные, в сути которых, по всей вероятности, и заключались подлинные основания для его устранения с апостолического престола. К этой последней группе обвинений относятся в основном обвинения в симонии, в присвоении и отчуждении церковных имуществ и привилегий, в намеренном ограблении подданных за счет повышения налогов, в расхищении церковных и монастырских богатств, в передаче владений клира мирянам и пр. Такие обвинения составляют примерно 50% всех статей. Как оказалось, в отношении некоторых из них следователями Констанцкого собора были выявлены кое-какие точные сведения (имена, суммы), что сыграло свою роль при составлении второй редакции обвинительного документа.

На основании дальнейшего рассмотрения обвинительных статей как первой, так и второй редакции (*Articuli LIV. publice hodie oblate contra Papam Johannem XXIII*) можно сделать вывод о том, что главной и, пожалуй, единственной настоящей причиной осуждения и низложения Иоанна XXIII стала его безудержная симония. И анализ пунктов обвинения, исключенных «во имя сохранения чести...» (*Articuli contra Johannem Papam probati, sed ob honorem ejus non praelecti*), подтверждает подобное предположение. Таким образом, поддерживая начало следствия по делу «пизанского» понтифика, присутствовавшие на Констанцком соборе высшие иерархи церкви стремились лишь к одному – остановить папу-симониста и предотвратить тем самым размывание церковного богатства в угоду его собственным нуждам. Впрочем, за махинациями Иоанна XXIII с церковными имуществами, возможно, стояли не только планы сиюминутного собственного обогащения, но и более амбициозные замыслы по формированию некоей экономической и политической базы для создания в будущем определенного подвластного ему или кому-либо из его nepотов светского территориального образования на месте Патримония св. Петра – замыслы, в XV в. отчасти нашедшие реализацию в понтификаты Сикста VI (1471–1484) и Александра VI (1492–1503).

Литература

1 Acta conciliorum et epistolae decretales ac constitutiones Summorum Pontificum. Tomus Octavus / [ed. J. Hardouin]. – Parisiis, 1714.

2 Kitts, E.J. Pope John the Twenty-Third and Master John Hus of Bohemia / E.J. Kitts. – London, 1910.

3 Köhler, J. I Papi del Grande Scisma d'Occidente. Da Urbano VI a Gregorio XII / J. Köhler // Storia dei Papi / A cura di M. Greschat e E. Guerriero; trad. dal tedesco di G. Reguzzoni. – Milano, 1995.

4 Liber Pontificalis / Texte, introduction et commentaire par l'Abbé L. Duchesne. – T. I–II. – Paris, 1886–1892.

5 Niem, T. de. Historia de vita Joannis XXIII / T. de Niem // Magnum Oecumenicum Constantiense Concilium. T. I–VI / ed. H. von der Hardt. – Francofurti et Lipsiae, 1696–1700. – T. II.

6 Ourliac, P. Lo scisma e i concili (1378–1449) / P. Ourliac // Un tempo di prove (1274–1449) / A cura di M. Mollat e A. Vauchez; edizione italiana a cura di R. Rusconi. – Roma, 1998. (Storia del Cristianesimo. Religione-Politica-Cultura. VI).

7 Piazzoni, A.M. Storia delle elezioni pontificie / A.M. Piazzoni. – Casale Monferrato, 2003.

8 Platina, B. Historia B. Platinae de vitis pontificum Romanorum. A.D.N. Jesu Christo usque ad Paulum II / B. Platina. – Coloniae, 1600.

9 Rerum Magni Concilii Constantiensis Tomus IV // Magnum Oecumenicum Constantiense Concilium. T. I–VI / ed. H. von der Hardt. – Francofurti et Lipsiae, 1696–1700. – T. IV.

10 Richental, U. von. Ulrichs von Richental Chronik des Konzils zu Konstanz. 1414–1418 / U. von Richental. – Leipzig, 1913.

Скворцов К.Н.

*старший преподаватель кафедры
истории Отечества, науки и
культуры СПбГТИ (ТУ)*

4 КОРРУПЦИЯ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Речь Посполитая, в отличие от многих европейских стран раннего Нового времени, представляла собой политический организм без сильной центральной власти и развитого бюрократического аппарата. Жизнь этого государства определялась прежде всего желаниями и устремлениями благородного сословия – шляхты. Шляхта рассматривала Речь Посполитую как «общее благо», принадлежащее исключительно ей, и пристально следила за тем, чтобы это благо не прибрал к рукам кто-либо еще – будь то король, сановники или выходцы из «подлых» сословий. Такие идейные установки и предусмотренный законом контроль шляхетского общества над системой управления и суда, казалось бы, должны были способствовать искоренению коррупции. Однако вместо этого наблюдался ее расцвет.

Исследователи предлагают несколько объяснений этого феномена. Некоторые обнаруживают коррупционную схему уже в истории возвышения шляхетского сословия: польские монархи, нуждаясь в военной и финансовой поддержке дворянства, раз за разом даровали ему все новые привилегии, т.е. фактически давали шляхте взятки, приучали ее к ним [1, s. 136]. Впрочем, такое предположение представляется довольно натянутым, так как коррупция в этом случае понимается слишком широко. Более обоснованным выглядит другое объяснение. В среде шляхты, вопреки всем декларациям о единстве сословия и равенстве «панов-братьев», всегда существовали богатейшие и знатнейшие фамилии. Не имея возможности законно обозначить свой особый статус (например, через принятие наследственного титула), они делали все, чтобы контролировать ситуацию в стране де-факто. Для реализации своих замыслов представители магнатских семей активно прибегали к подкупу, давлению, а также окружали себя многочисленной клиентелой из мелкой шляхты, продвигая ее на должности и затем манипулируя «своими людьми» по собственному усмотрению. Поскольку на политическом олимпе Речи Посполитой

действовало несколько могущественных партий, столкновение их интересов приводило к тотальному коррумпированию представительных органов и судов – покупались и продавались голоса избирателей, депутатов, судебные решения и т.д. Неформальные структуры власти, создаваемые магнатами в обход законов или противозаконно, нередко заменяли государственные институты, действовали эффективнее их и превращали коррупцию в привычную практику общественной жизни.

Наряду с магнатским произволом коррупции способствовало существование в Польско-Литовском государстве «патриархально-бюрократической системы», при которой суд и администрация не снабжались из казны, а должны были действовать на самообеспечении [2, s. 237–238]. За предоставляемые ими услуги предусматривалась определенная плата, но за соблюдением ее размеров никто не надзирал. Без реального контроля действовали и сборщики податей, в результате чего значительная часть налоговых сборов до казны просто не доходила. Даже за деятельностью великих коронных подскарбиев – главных казначеев страны, шляхетское общество уследить не могло. Подскарбий, сдавая дела, должен был отчитываться перед сеймом. Однако эта процедура оказывалась неэффективной – чтобы получить одобрение и признание результатов своей деятельности, проворовавшийся министр щедро одаривал сеймовых депутатов и выходил сухим из воды. Притчей во языцех стал Богуслав Лещинский, занимавший пост великого подскарбия в 1650–1658 гг. и расхитивший более 2 миллионов злотых. Перед выступлением с отчетом о расходах и доходах ему удалось подкупить всех депутатов посольской палаты, а когда один из них при заслушивании отчета все же заявил протест, Лещинский извлек список подкупленных и обратился к залу: «А что это за такой-сякой сын, которому я не дал?». Протестовавший сразу умолк, так как в действительности взятку получил [1, s. 136].

Неудивительно, что в таких условиях должности рассматривались как источник неконтролируемого дохода и сами становились предметом торга. Причем активное участие в торговле должностями принимали коронованные особы Речи Посполитой. Иначе и быть не могло, ведь выборные короли Польши свой путь к трону торили при помощи даров и посулов – не только «шляхетскому народу» в целом, но и отдельным влиятельным лицам, могущим склонить голоса выборщиков в пользу определенной кандидатуры. Новоизбранные монархи не всегда были

богаты и обычно были лишены возможности награждать поддержавших их при элекции титулами или орденами, поскольку это запрещалось законом и встречало ожесточенный протест шляхты. Зато они могли распорядиться назначениями на почетные и прибыльные должности, что и становилось главным средством при вербовке сторонников. Затем, уже сев на трон, короли вынуждены были искать способы преодоления оппозиции в сенате и сейме, и одним из самых действенных способов снова становился подкуп. В общем, лояльность благородного сословия Польши имела свою цену. Этим обстоятельством кроме польских политиков в XVII в. все активнее пользовались посланники иных государств, не жалевшие дукатов и талеров ради продвижения интересов своих стран [1, s. 145–147].

Разгул коррупции в среде политической элиты подкреплялся ее широчайшим распространением в остальных слоях польского общества. За пределами своего сословия, в отношениях с «плебеями», шляхта вообще редко затрудняла себя соблюдением моральных и юридических норм, беззастенчиво вымогая у простолюдинов дары и подношения при каждой возможности. Причем это казалось естественным и шляхтичам, и тем, кто искал их милости.

Конечно, в публицистике Речи Посполитой неоднократно раздавались голоса о пагубности коррупции для жизни общества и государства. За честностью сеймовых депутатов и судей старались надзирать, заставляя избираемых приносить присягу, следя за тем, чтобы они не являлись чьими-либо клиентами и не получали пенсию от кого-либо [3, s. 300]. Взятчикам грозили крупными штрафами и иными наказаниями [1, s. 138]. Время от времени, обычно в периоды ожесточения политической борьбы, разражались коррупционные скандалы. Но все это были пустые сентенции, клятвы и угрозы, поскольку широкие слои шляхты не на словах, а на деле относились к проблеме коррупции весьма своеобразно.

Живой иллюстрацией такого отношения являются взгляды автора самых известных польских мемуаров второй половины XVII в. – Яна Хризостома Пасека (ок. 1636 – ок. 1701). Пасек происходил из мелкой мазовецкой шляхты и не отличался ни богатством, ни высоким положением в обществе, ни образованностью. Однако он был человеком любознательным, обладал богатым жизненным опытом и незаурядным литературным талантом, а потому оставил после себя замечательный

памятник, полный живых образов эпохи. К явлениям, подпадающим в наше время под определение коррупции, Пасек имел двоякое отношение: сам выступал в роли правонарушителя и судил о недостойных деяниях других.

Что касается первого, то искушение властью не раз выпадало Пасеку в годы воинской службы, когда он был еще молод и надеялся сделать карьеру и состояние. Должности его были невелики, однако это все же была власть вооруженного человека над мирными обывателями, что увеличивало возможности ее превышения.

Когда польское войско зимовало в союзной Дании, Пасеку досталась должность войскового депутата, отряженного собирать «гиберну» (*hiberna* – жалование, выплачиваемое войску в период зимовки). Поляки на чужбине вели себя по-хозяйски: «вышло тогда распоряжение, чтобы брать по 10 битых талеров в месяц на коня с плуга... Брала мы в первый месяц согласно с распоряжением, во второй – по 20 битых, в третий уже кто сколько мог выторговать, хотя бы и больше, разузнав достаток крестьянина, если тот немало имел в мошне» [4, s. 43]. Датчане сетовали, но перечить не решались. Пасек также действовал без стеснения. Приступив к обязанностям, он целый день отказывался разговаривать с датчанами на каком-либо языке (а пытались с ним говорить на немецком, французском, итальянском и на широко употребляемой поляками латыни), повторяя лишь одно слово: «Geld!» («Деньги!» – нем.). Только когда перепуганные союзники догадались преподнести Пасеку в подарок «живого лосося», «тучного вола» и «ручного оленя», а главное – кубок с сотней талеров, молчаливый шляхтич изрек, указуя на монеты: «*Iste est interpretis meorum et vestrorum desideriorum*» («Вот он – толмач желаний, моих и ваших» – лат.) [4, s. 46]. Датчане чуть ли не в пляс пустились, радуясь, что «заговорил наш пан». И потом, с удовлетворением отмечает Пасек, не было ни малейшей проволочки со сбором денег, и вообще установились с «немцами» самые добрые отношения. Причем выгоды были обоюдными: когда войско стало собирать налог выше 20 талеров, он со «своих» датчан брать больше не стал, объяснив это так: во-первых, они – союзники, во-вторых, разорены войной [4, s. 48]. Такой заботливый пристав, обеспечивающий защиту подопечных от чрезмерных тягот и заодно от разбоя польской войсковой челяди, как сыр в масле катался, имея все необходимое. Про дальнейшую судьбу кубка с талерами Пасек

не говорит, но надо думать, что он не включил их в сумму, собранную для хоругви, а оставил себе.

Похожий эпизод с коррупционной подоплекой произошел, когда Пасек участвовал в распределении квартир на Подляшье. Местная шляхта, измученная поборами и бесчинствами литовского войска, сама, не дожидаясь требований, прибыла к приставам с подношениями: «Каждый себе доброго пана [на постой] просит; этот в благодарность гуся обещает, тот каплуна, а иной и барашка на праздник. Каждому мы сказали по секрету, что мы, мол, тебе назначили самого лучшего изо всех и самого безупречного товарища; и каждый нас за это благодарил и подарок обещал... Потом навезли нам, депутатам, столько, что было всего вдосталь не только у нас, но и у наших слуг» [4, s. 104–105]. Хотя подношения были исключительно в натуральном виде, они в условиях войны и разорения дорогого стоили. Впоследствии, видя радушие солдат и их дисциплинированность, местные жители уже не пытались задобрить приставов, а обхаживали постояльцев вполне искренне, как гостеприимные хозяева.

Через некоторое время после этих, довольно скромных, карьерных успехов мемуарист получил власть куда большую – он был назначен сопровождающим московского посольства в Варшаву. Высокая миссия означала высокий доход. Показательно, что эту почетную обязанность у Пасека сразу же попытались перекупить. Ему предложили 100 злотых, и шляхтич поначалу согласился, не понимая всей выгоды предприятия. Но затем, проконсультировавшись с опытным человеком, который заметил: «Ты что, Вашмость, шутишь? Да эта должность тысячами пахнет и великой славой...» [4, s. 287], передумал. И не прогадал. Пристав посольства должен был обеспечивать послов провиантом, постоем и подводами – т.е. следить за исполнением соответствующих повинностей населением. Чтобы избавить себя от всех этих тягот, жители съезжались «из городов за несколько миль, ... даже и с боков, хотя бы и не на пути были их города, хотя бы я у них и не собирался быть. О иных и не слыхал, а приехали, кланялись, просили, чтобы их миновал, чтобы освобождены были от подводы. Тот привозил 200 злотых, тот 300, тот 100 – все по-разному, в зависимости от достатка или же бедности» [4, s. 299]. В общем, путешествие было приятным и бесхлопотным. Сбой в этой отлаженной схеме произошел только у Новогрудка, где власть все же пришлось применить. Новогрудские

мещане не явились с поклоном к посольству, мотивировав это тем, что у них был на постое литовский полк, а «никто не может служить двум господам одновременно». Пасека такая неучтивость задела, и он нарочно посетил город для «поддержания достоинства двух монархов», которых он, вместе с послами, представлял [4, s. 302]. В Новогрудке он использовал свои полномочия совершенно в духе того времени – покалечил бургомистра, под угрозой оружия отнял у солдат-литвинов квартиры и чуть ли не с боем вытребовал провиант и подводы. Взятки при этом не брал, сколько не предлагали. Делал это не только ради попечения о достоинстве посольства, но и потому, «что с таким уж я характером родился, – всегда упрямством на упрямство отвечаю, хоть ты лопни» [4, s. 308]. Впрочем, и без новогрудских взяток он остался не в накладе. Если верить мемуарам, это приставство озолотило Пасека: «Немало было у меня денег, ибо я и из Дании привез, и от короля недавно получил 500 червонных злотых, и Москву провожая, взял 17 000» [4, s. 320]. Для сравнения – в 1658 г. солдатское жалование, которое получал Пасек, составляло всего 40 злотых за квартал, а «гиберна» – 60 злотых. Увы, деньги не пошли шляхтичу впрок – «поскольку они легко достались, не очень-то я их берег. Мы часто напивались с придворными, ибо в Варшаве быстро найдутся компания и знакомства» [4, s. 320]. Так весело Пасек проводил время в ожидании от короля другой, более существенной и более заслуженной, по его мнению, награды – должности или села. Но не дождался, «ибо и казна пустовала, и вакансий не подвернулось, да и я тоже от природы амбиций не имел и довольствовался малым» [4, s. 327]. Последнее заявление особенно хорошо характеризует человека, прокутившего за короткий срок 17 000 злотых.

Можно отметить, что во всех рассмотренных случаях деньги и прочие блага сами шли шляхтичу в руки, как только он получал полномочия, шли по накатанному пути традиционных подношений и даров должностным лицам. Вымогать и требовать, как правило, не приходилось, хотя случай с датчанами и новогрудский эпизод говорят о том, что Пасек знал, как такие вещи делаются. Для времен, когда принуждение силой и открытый грабеж были привычным явлением, шляхтич в мемуарах представлен очень даже добропорядочной фигурой, не потерявшей стыд и меру. Он принимает подношения только «за дело» – не ради одной своей корысти, но и для обоюдной выгоды сторон

(взамен проситель получает покровительство, избавление от тягот и т.п.); следит за тем, чтобы подношения были по средствам дарителю, и не требует большего; не берет в случаях, когда считает, что дело задевает его принципы и достоинство. Прибыль, безусловно, для него была важна, однако, прибыль не любой ценой. Например, похвальную сдержанность Пасек проявил, везя королевскую корреспонденцию. У него на руках была королевская проездная грамота, очень веский аргумент – но Пасек брал только необходимый для путешествия провиант, а денег – несколько, и своим подчиненным брать запрещал. «Сетовал... на это мой офицер, что нигде не даю брать денег; говорил, что с таким письмом я мог бы, пока доберемся до лагеря, взять несколько тысяч, и подговаривал меня на это, расписывая выгоды. Но я не разрешал, ибо речь шла о моей репутации» [4, s. 272]. Похожую щепетильность Пасек проявил и в Новогрудке, при сопровождении русского посольства. Правда, в этих случаях о принципах шляхтич беспокоился, имея в перспективе королевское вознаграждение, которое могло оказаться значительнее сиюминутной прибыли.

Не считая таких, особых, ситуаций, использование полномочий для улучшения собственного благосостояния воспринималось шляхтичем как норма, причем давно и всеми принятая. Опытные люди, как было сказано, заранее знали, сколько может дать та или иная общественная функция, и не стеснялись из-за нее торговаться. Получение прибыли от должности ни в коем случае не расценивалось как преступление или как что-то постыдное. Мало того, Пасек считает нужным поведать о подобных случаях своему читателю в подробностях, красках и цифрах, вероятно, еще и преувеличивая свои «достижения». Эти откровения, надо думать, призваны были не только развлечь читающих, но и превознести в их глазах фигуру автора – показать его предприимчивость, оборотистость, удачливость, продемонстрировать, что когда-то он имел возможность жить и жил на широкую ногу. Можно не сомневаться, что описывая все это, Пасек ожидал от своих собратьев понимания, одобрения и даже некоторой зависти. Подчеркнем еще раз, что для самого Пасека упомянутые действия ничего общего с коррупцией не имели, само это слово к ним не применялось.

Иное дело – взяточничество и казнокрадство высших государственных сановников, то, что сейчас называют политической коррупцией. В этом случае появляется и само понятие (*korupcja*) и

соответствующие осуждающие оценки. Мемуары Пасека содержат несколько гневных филиппик, направленных на обличение коррупционеров – не все они принадлежат перу мемуариста (в текст мемуаров вставлены письма и памфлеты), но под всеми он, безусловно, готов был расписаться.

Прежде всего, стоит упомянуть речь самого Пасека против недостойных сенаторов, расхитивших казну, доведших войско до конфедерации, а страну до разорения. Это они «тянутся к жалованию исправно послуживших, ... желая скорее его проесть, паном с его помощью сделаться и потом бедных и исправно служивших притеснять», это они способны лишь «вырванный изо рта у людей заслуженных хлеб употреблять для интриг, подкупов и достижения своих целей, рваться напролом к казне Речи Посполитой, как кошка к молоку», это они «отчизну опустошили сильнее, чем неприятели». А посему «ничего дармоедам удивляться, когда придет... им гибель от войска, ибо доброму скакуну тяжело сносить, когда его никчемный осел отталкивает от кормушки» [4, s. 212–213, 215]. Растраты и хищения в те годы действительно приобрели чудовищный масштаб. Для уплаты войску требовалась огромная сумма, а где собираются большие деньги, всегда возникает искушение поживиться. Однако польские государственные мужи показали себя совсем уж беззащитными расхитителями – пропадала не какая-то часть, а основная масса средств. Сложилась странная, но при социально-политическом устройстве Речи Посполитой предсказуемая, ситуация: сановники разворовывали деньги при одобрении и участии королевского двора, а шляхетское общество, видя это, не могло призвать коррупционеров к ответу перед законом, а только шумело и бряцало саблями.

Пасека и его собратьев раздражал не только масштаб казнокрадства, но и то, на что пускались расхищенные средства. А шли они на сколачивание королевской партии, набор войска (в том числе крымской орды) против конфедератов, продвижение французского принца на польский престол – т.е., в конечном итоге, на разрушение основ «золотой шляхетской вольности». Кроме того, сановники не ограничивались расхищением казны Речи Посполитой, но еще и брали взятки от иностранных дворов. Пасек пишет: «...Случалось и мне видеть, насколько это было доступно простому человеку, что тут летают французские талеры, летают рубли и денежки московские... И, коротко

говоря, годится ли, что... одни на свою мельницу воду льют, другие кому-то прислуживают, чтобы обогатиться, зазывая в отчизну непрошенных гостей?» [4, s. 255]. Главному интригану, примасу М. Пражмовскому, предъявляется в мемуарах точный счет – за то, что он взял у французского посла 40 000 талеров суждено ему расплатиться на Страшном суде: «Сомневаюсь, что защитят тебя там эти французские талеры, которых ты для разных махинаций набрал, а потом курвам раздал» [4, s. 364].

Интриги и торги вокруг польского трона достигли апогея на элекционном сейме 1669 г., начало которого Пасек охарактеризовал кратко, но емко: «дают, дарят, сыплют, льют, чествуют, обещают» [4, s. 457]. Тем с большей радостью и облегчением шляхтич отметил, что все интриги сорвались, а королем стал тот, который никому ничего не давал и не обещал, но к которому «Бог сердца людские склонил» – Михал Кобыт Вишневецкий.

Итак, с точки зрения Яна Пасека, коррупционеры – это политики, занимающие высокие посты, не знающие нужды, а берущие взятки и ворующие из одной только алчности, которые служат только себе, а отчизне наносят вред. Таким образом, коррупция для простого шляхтича – это приложение к большой политике, становящееся преступлением, государственной изменой там, где речь идет о судьбах Польши, ее внутреннем устройстве и положении на мировой арене. Польское государство должно принадлежать только Богу и шляхетскому народу, поэтому все политические кунштюки и интриги, включая их финансовую сторону – это богохульство и посягательство на отческие свободы.

При сопоставлении острых выпадов Пасека против губителей Речи Посполитой с благодушными описаниями его собственной «предприимчивости» напрашивается предположение, что шляхтич руководствовался принципом «что позволено быку (простому обывателю), не позволено Юпитеру (государственному мужу)». Но подобный вывод – привилегия стороннего наблюдателя, ибо сам шляхтич вряд ли мог заметить, что придерживается «двойных стандартов». Просто одна часть коррупционных явлений была органической составляющей привычного для него мира, а другая – раздражающим отклонением. Монополия на управление в Речи Посполитой принадлежала не государю и государству, а шляхте, и

шляхта осуществляла это право в соответствии со своими представлениями о законности. При отсутствии развитой бюрократии и четких юридических критериев, коррупция как бы растворялась в шляхетском обществе, выкристаллизовываясь только на высших уровнях власти.

Литература

1 Kaniewski, J. Z badań nad zjawiskiem korupcji w nowożytnej Rzeczypospolitej XVII–XVIII wieku / J. Kaniewski // *Wieki Stare i Nowe*. – 2009. – 1(6). – S. 136–159.

2 Maćzak, A. Rządzący i rządzeni. Władza i społeczeństwo w Europie wczesnonowożytnej / A. Maćzak. – Warszawa, 1986.

3 Tazbir, J. Korupcje, posuły, kubany i wziętki / J. Tazbir // *Parlament, prawo, ludzie. Studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej* / red. S. Grodziski i in. – Warszawa, 1996. – S. 300–304.

4 Pasek, J.Ch. Pamiętniki / J.Ch. Pasek / red. Wł. Czapliński. – Wrocław, 1952.

Гостенков П.А.

старший преподаватель кафедры истории Отечества, науки и культуры СПбГТИ (ТУ)

5 ИЗ ИСТОРИИ КОРРУПЦИИ ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XIX ВЕКА

Коррупция появилась далеко не вчера. Она поражает страны с разным общественным устройством, это явление присуще и Востоку, и Западу. На наш взгляд, весьма поучительные примеры как влияния коррупции на политические процессы в обществе, так и достаточно успешной борьбы с ней, дает французский опыт. Пожалуй, нигде в мире, как во Франции, коррупционные дела столь часто не порождали серьезные политические кризисы. После одного из таких кризисов в конце XIX в. синонимом всеобщего разложения стало слово «Панама́» («Panama»).

Политический режим Французской Третьей республики (1870–1940) постоянно подвергался разного рода потрясениям, особенно в первые тридцать лет своего существования. Одним из наиболее громких скандалов конца XIX в. являлся Панамский. Как отмечает современный французский историк Ж. Гарриг «даже сегодня этот скандал символизирует III Республику, пораженную гангреной коррупции» [1, р. 70]. Вполне можно согласиться и с мнением современника «Панамы», обозревателя «Revue des Deux Mondes» Шарля де Мазада, не без иронии заметившего, что «несомненно, наша страна не единственная, где происходят скандалы, но к несчастью, она обладает особой привилегией быть всегда в центре спектакля» [2, р. 946].

Следует отметить, что неустойчивая политическая конструкция Третьей республики нуждалась в надежной опоре. Ею, на наш взгляд, стал крепкий союз деловых кругов страны и политической элиты. По утверждению Гаррига, «создание и консолидация республиканского режима – это в значительной мере результат договора между так называемыми «историческими» республиканцами, такими как Ферри и Гамбетта, и финансовой буржуазией» [1, р. 70]. Известные политики Франции не избегали соблазна заняться бизнесом, зачастую довольно сомнительного свойства. Так, например, Э. Констан, между 1880–1892 гг. несколько раз бывший министром внутренних дел, заведовал тайными игорными домами. Символом парламентария-дельца стал Морис Рувье, постоянно избиравшийся в Палату депутатов с 1871 по 1903 гг., семь раз бывший министром финансов и дважды – премьер-министром. Сам президент страны Ж. Гриви играл на бирже, созданной его зятем Даниелем Вильсоном. Последний, в частности, за деньги предоставлял преференции предпринимателям. Так, например, банкир Сейер вынужден был заплатить ему 600 тыс. франков за выгодный военный заказ. Подобный случай «покровительства» зятя президента был не единственным. В 1887 г., когда о делах Вильсона стало известно, разгорелся скандал и президент Гриви подал в отставку. Скандал способствовал популярности генерала Буланже и привел к острому политическому кризису 1887–1889 гг. Своеобразным музыкальным хитом 1887 г. стала песенка со словами: «Ах! Какое несчастье иметь зятя!» [1, р. 73].

В 1879 г. знаменитый строитель Суэцкого канала, инженер и предприниматель Фердинанд Лессепс предлагает соединить

Атлантический и Тихий океан каналом в районе Панамского перешейка. С этой целью была создана Всеобщая компания межокеанского канала под его руководством [3, с. 286]. Но с самого начала создатели грандиозного проекта столкнулись с проблемами: они не могли рассчитывать ни на поддержку государства, которое первоочередной задачей считало финансирование плана «общественных работ» под руководством Ш. де Фрейсине, ни на участие в строительстве со стороны крупных банков, обеспокоенных трудностями в осуществлении задуманного. Лессепс вынужден был обратиться к мелким и средним вкладчикам. Чтобы обеспечить себе гарантированный успех, он прибег к помощи известных финансистов-космополитов того времени с неоднозначной репутацией – Жака Рейнака и Корнелиуса Герца. Именно они лоббировали закон о займе в поддержку компании. Разумеется, на это требовалась санкция парламента. По словам советского историка Д. Прицкера, «понимая, что без крупных взяток такого разрешения не добьешься, руководители компании выделили особый «фонд пропаганды» и подкупали членов правительства, влиятельных депутатов, известных журналистов. Желających получить взятку оказалось много, выделенного на подкуп фонда не хватило, компании пришлось затратить гораздо больше денег, чем предполагалось» [4, с. 95]. Рейнак и Герц поделили между собой тех политиков, которых они собирались подкупить. Непосредственный контакт с компанией поддерживал барон Рейнак, получавший деньги от Лессепса, Герц получал их от Рейнака. Творцы аферы не доверяли друг другу: Герц, считая, что Рейнак присваивает часть выделенных для подкупа сумм, шантажировал барона, угрожая тому разоблачениями.

К чести парламентариев надо сказать, что далеко не все они приняли «дары», и два раза проект закона проваливали в Палате депутатов. И все же в июле 1888 г. палата санкционировала выпуск государственного займа. Едва ли это стало случайностью после двух провальных попыток провести законопроект. Главой правительства в этот момент был Шарль Флоке, позднее обвиненный в участии в афере и косвенно это признавший.

В феврале 1889 г. суд объявил компанию Лессепса банкротом и принял решение о ее ликвидации. Среди держателей акций это вызвало настоящую панику: ценные бумаги приобрели более 800 тыс. человек, которые вложили в дело чуть ли не все свои сбережения.

Как было установлено ликвидационной комиссией, из общей суммы в 1,3 млрд. франков, истраченных компанией, на работы по сооружению Панамского канала ушло всего 612 млн., а 718 млн. разошлись в Париже, и оправдательных документов на эту сумму в делах компании не оказалось [4, с. 96].

Хотя уже в июне 1890 г. Палата депутатов высказалась за расследование, только в июне 1892 г. генеральный прокурор республики возбудил дело против пяти руководителей компании – Фердинанда Лессепса, его сына Шарля, М. Фонтана, барона Коттю и известного инженера Гюстава Эйфеля. Но расследование продвигалось крайне медленно, поскольку в сокрытии тайны было заинтересовано много представителей политической и экономической элиты страны.

Значительную роль в раскрытии аферы сыграла пресса. Впрочем, определенная ее часть скорее вела игру с целью дискредитации республики, чем искала истину. В этом деле объединились крайне правые и часть левых. Рупором разоблачений стала шовинистическая и антисемитская газета Э. Дрюмона «*Libre Parole*», с сентября 1892 г. публиковавшая серию статей «Изнанка Панамы» экс-агента компании под псевдонимом Микрос. Левый политик А. Мильеран в газете «*Petite République*» нападал на «новый феодальный космополитизм» [1, p. 73]. Первым итогом газетной кампании стало загадочное самоубийство (или убийство) Ж. Рейнака в ноябре 1892 г.

Следует отметить, что к тому времени в распоряжении бывшего министра внутренних дел Э. Констана был список из 104 коррупционеров, предоставленный бежавшим в Англию товарищем Рейнака Артоном (К. Герц, к слову, также бежал в Англию). Среди замешанных в коррупционном деле оказались: министр общественных работ Ш. Байо, которому дали взятку в размере миллиона франков, уже упомянутые Ш. Флоке и М. Рувье, Ж. Клемансо, бывший префект полиции Л. Рено, брат экс-президента А. Греви.

К расследованию прессы подключились и депутаты парламента. Депутат-шовинист Дерулед обвинил Клемансо чуть ли не в государственной измене, поскольку именно через него Герц подкупал нужных ему людей. Клемансо вызвал Деруледа на дуэль, которая закончилась «вничью» 22 декабря 1892 г. – все шесть выстрелов прошли мимо. Кампания против Клемансо, правда, не прекратилась: хотя документы о нем как об агенте английской разведки оказались

фальшивкой, скандал сильно отразился на его репутации. В результате он проиграл выборы в Палату депутатов.

Другой видный обвиняемый коррупционного дела – М. Рувье, не считал себя виноватым. Во время заседания следственной комиссии парламента 20 декабря 1892 г. он произнес знаменательные слова: «Здесь делают вид, будто только теперь, в конце XIX века, впервые узнали, что для управления страной нужны деньги. Если же парламент не дает их в достаточном количестве, то политический деятель, который находит их благодаря своим политическим связям, заслуживает всяческой похвалы» [4, с. 103]. Поразительно, что Рувье, признавшийся в получении взяток, так и остался на свободе. Его дело было прекращено «за отсутствием улик».

Градус напряжения во французском обществе в связи с результатами расследования отразил в своем дневнике писатель Э. де Гонкур. 22 декабря 1892 г. он записал разговор писателя Э. Додэ со своим слугой, в ходе которого последний воскликнул: «Я же не министр! ...Я не вор!». А два дня спустя Гонкур в экспрессивной манере выносит неумолимый приговор: «Если в результате разоблачения всех парламентских жульничеств не вспыхнет революция, мятеж или, по крайней мере, уличное волнение, то, значит, что Франция – это нация, у которой нет больше железа в крови, нация анемичная, заслуживающая смерть от анархии или от иностранного завоевания!» [5, с. 549].

В 1893 г. следствие по панамскому делу признало виновными Фердинанда Лессепса (88-летний старик был уже невменяемым), его сына Шарля, М. Фонтана, Г. Эйфеля по обвинению в мошенничестве. Их приговорили к различным срокам тюремного заключения и денежным штрафам. Но кассационный суд отменил это решение, и все обвиняемые были освобождены. Из политиков наказание понес только признавший себя виновным министр общественных работ Байо, приговоренный к пятилетнему тюремному сроку.

На первый взгляд, можно сказать, что главные творцы аферы пострадали несильно. Расследование явно не было доведено до конца. По справедливому замечанию обозревателя российской газеты «Новости», «Панамский процесс вели таким образом, чтобы утомить общественное мнение и достигнуть жалких результатов» [6, с. 1]. Французский политический класс не хотел дальнейших разоблачений. Впрочем, по словам французского историка П. Микеля, сам факт

упоминания имен политиков в связи с панамским делом надолго их скомпрометировал (так было с Лубэ и Клемансо, Флоке и Рувье) [7, p. 438].

Кризис постепенно затухал, но его ближайшим следствием стали парламентские выборы 1893 г., проигнорированные 28% избирателей. Клемансо и Флоке не были переизбраны. В целом по результатам выборов парламентский корпус обновился наполовину, впервые социалисты получили около 50 депутатских мандатов [3, с. 286]. Скандал вызвал рост антиреспубликанских, антисемитских настроений. Вспыхнувшее вскоре дело Дрейфуса – прямое следствие «Панамы».

Наконец, афера замедлила заключение франко-русского союза, поскольку министр иностранных дел Н.К. Гирс, В.Н. Ламздорф, а еще больше император Александр III не доверяли «продажной республике». К тому же с панамской аферой часть французской прессы стала связывать имя российского посла в Париже барона А.П. Моренгейма. Его причастность к афере, однако, так и не была доказана. Современная французская исследовательница А. Огениюис-Селиверстов полагает, что Моренгейма в получении каких-то средств подозревал прежде всего известный российский ученый и публицист с неоднозначной репутацией И.Ф. Цион, питавший к царскому представителю личную неприязнь. При этом следует отметить, что как раз в эти годы не имеющему значительных средств послу удалось выдать замуж своих дочерей [8, p. 153]. А.А. Керсновский писал о явном германском следе в интриге против российского посла с целью сорвать намечавшиеся русско-французские договоренности [9, с. 8–9]. Как бы то ни было, в условиях складывания русско-французского союза правящим кругам Франции и России (а Моренгейм был далеко не последней фигурой в сложной дипломатической игре), скандал был ни к чему, и дело замяли. Как нам кажется, едва ли является совпадением тот факт, что союз Российской империи с Французской республикой был заключен сразу после окончания кризиса во Франции.

Урок, полученный французской деловой и политической элитой, французским обществом, был усвоен. Радикалы, пришедшие к власти во Франции на рубеже XIX–XX вв., оздоровили ситуацию. Коррупционные кризисы подобного размаха больше не повторялись, хотя связи политического и финансового мира Франции продолжали оставаться тесными и в дальнейшем. Было бы желательно, чтобы полезный

иностранный опыт в борьбе с коррупцией подобного масштаба использовался и в нашей стране.

Литература

1 Garrigues, J. La République des affairistes / J. Garrigues // L' Histoire. – №185. Février 1995.

2 Mazade, Ch. de. Chronique de la quinzaine, histoire politique et littéraire / Ch. de Mazade // Revue des Deux Mondes. – 1893. – 15 fevrier.

3 Арзаканян, М.Ц. История Франции: учебник для вузов / М.Ц. Арзаканян, А.В. Ревякин, П.Ю. Уваров. – М.: Дрофа, 2005.

4 Прицкер, Д.П. Жорж Клемансо: Политическая биография / Д.П. Прицкер. – М.: Мысль, 1983.

5 Гонкур, Э. де. Дневник. Записки о литературной жизни: Т. II / Э. де Гонкур, Ж. де Гонкур. – М.: Художественная литература, 1964.

6 Новости. – 1894. – №1. 1(13) января.

7 Miquel, P. Histoire de la France / P. Miquel. – P.: Fayard, 1976.

8 Hogenhuis-Seliverstoff, A. Une alliance franco-russe: la France, la Russie et l'Europe au tournant du siècle dernier / A. Hogenhuis-Seliverstoff. – Bruxelles: Bruylant, 1997.

9 Керсновский, А.А. История русской армии в 4-х томах: Т. 3 / А.А. Керсновский. – М.: Голос, 1994.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1 История коррупции в России (<i>Гуркин А.Б.</i>)	4
Литература.....	23
2 Коррупция: правовой аспект (<i>Ковбенко Н.Д.</i>)	24
Литература.....	30
3 К истории одного преступника: о подлинных причинах осуждения и низложения антипапы Иоанна XXIII (<i>Потехина И.П.</i>)	31
Литература.....	34
4 Коррупция в Речи Посполитой в середине XVII века (<i>Скворцов К.Н.</i>)	35
Литература.....	44
5 Из истории коррупции во Франции конца XIX века (<i>Гостенков П.А.</i>)	44
Литература.....	50

Учебное пособие

Коррупция и ее влияние на развитие общества:
история и современность

Александр Борисович Гуркин
Николай Дмитриевич Ковбенко
Ирина Павловна Потехина
Константин Николаевич Скворцов
Петр Анатольевич Гостенков

Отпечатано с оригинал-макета. Формат 60x90. 1/16
Печ. 3 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский государственный Технологический институт
(Технический университет)

190013, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 26
Типография издательства СПбГИ (ТУ), тел. 494-93-65